

ЛЕГЕНДЫ

ХОРРОРА

18+

ТОМАС ТЕССЬЕ

ФАНТОМ
ПОСЛЕДНИЕ
ШТРИХИ

Томас Тессьер

Фантом. Последние штрихи

Серия «Легенды хоррора»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802876
Фантом. Последние штрихи: [романы] / Томас Тессье; перевод с
английского Елены Вергизаевой: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-147783-7*

Аннотация

«Фантом». Пусть Нед и ребенок, но он прекрасно знает: на свете существует нечто страшное, живущее во тьме. Оно явилось в ту ночь, когда мать Неда чуть не умерла. После того случая его семья переехала в прибрежный городок Линнхейвен, но зло последовало за ними. Теперь Неду придется сразиться с ним в одиночку, и для этого мальчику понадобится настоящая храбрость, ведь взрослые ему не верят и даже не замечают, что кошмар уже проник в их души и искажает все вокруг.

«Последние штрихи». Доктор Том Сазерленд приезжает отдохнуть в Лондон, где знакомится с эксцентричным, но гениальным пластическим хирургом Роджером Нордхэгеном и его прекрасной ассистенткой Линой Равашоль. Том влюбляется в Лину, несмотря на ее необычные желания и склонность к жестокости, и в своем ослеплении даже не подозревает, в какую ловушку попал. Ведь доктор Нордхэген скрывает

кровавый и страшный секрет, а сам Том вскоре узнает, насколько заразительным может быть безумие.

Содержание

Томас Тессье	5
Фантом	7
Ночь, когда они пришли	7
1. Линнхейвен	26
2. Рыболовная лавка	32
3. Родители	49
4. Особенная комната	58
5. Сказки Олд-Вудс	68
6. Дом Фэрли (1)	75
7. В развалинах	84
8. Полидори-Стрит	109
9. Под полумесяцем	116
10. Линда	117
11. Объяснения	128
12. Существует магия... и магия	136
13. Прощай, Грета Гарбо	146
14. Сопротивление	152
15. Звуки	157
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Томас Тессье

Фантом. Последние штрихи

*Посвящается Сэму
И памяти Джозефа Каваны, Хьюго Холла и Дуги
Шоу*

THOMAS TESSIER
PHANTOM
FINISHING TOUCHES

Перевод с английского Елены Вергизаевой

PHANTOM Copyright © 1982 by Thomas Tessier
FINISHING TOUCHES Copyright © 1986 by Thomas Tessier

© Елена Вергизаева, перевод, 2023

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Фантом

Сверхъестественное всегда оказывается проявлением естественных условий, действий и состояний...

Барон фон Хюгель¹

Только то место, которое было найдено, обжито, покинуто и забыто людьми, может быть населено призраками.

Дональд Калросс Питти². Путь натуралиста

Ночь, когда они пришли

Ребенок лучше всех слышит то, что происходит в темноте. Он может бодрствовать или спать, его сознание может блуждать по сонному серому пейзажу между этими состояниями, но слух всегда улавливает то, что творится на темной стороне дня. Ребенку не обязательно понимать то, что он слышит: события обладают тайным смыслом за пределами царства простых слов. Не стоит объяснять, кто такой Песочный

---

¹ *Фридрих фон Хюгель* (1852–1925) – религиозный деятель австрийского происхождения, писатель и католический богослов.

² *Дональд Калросс Питти* (1898–1964) – американский ботаник, натуралист и писатель.

Человек, когда он все еще рядом, только и ждет, чтобы убить тебя, засыпав глаза, уши, нос и рот песком.

Неду Ковингтону еще не было и пяти. Он лежал в своей постели, почти уснув, но слышал звуки, доносящиеся из-за двери спальни. Шаги по коридору. Ноги босые. Приближаются. Но с ними что-то не так. По их нерешительности мальчик понял, что это не мама или папа идут в ванную. Нед повернулся к окну, но не почувствовал свет сквозь сжатые веки. Значит, утро еще не настало.

В коридоре раздался странный стук, словно человек за дверью не был знаком с планировкой дома и в темноте наткнулся на стену. Потом наступила тишина. Нед попытался проснуться. Это точно не мама или папа, они так себя не ведут. Ему был знаком каждый их звук, он знал, как они ходят, вес их шагов. То, что он сейчас слышал, звучало совершенно по-другому. Может, кто-то вломился в дом, плохой человек или, того хуже, ночное чудовище? С родителями все хорошо, или их трупы уже лежат в спальне? Почему отец не проснулся и ничего не предпринял?

Нед хотел выбраться из кровати и побежать как можно быстрее в спальню родителей, но та находилась в конце коридора, и ему пришлось бы столкнуться с тем, кто там находился. Можно было закричать, но нет, тогда бы чужак его обнаружил. И, кроме того, мама и папа могут его не услышать или не успеть ничего сделать. Лучше всего спрятаться под одеялом и надеяться, что все это пройдет вместе с ночью.

В своей постели Нед чувствовал себя в безопасности, но оставалась одна проблема.

Укрывшись под одеялом, он не мог ничего видеть. По ночам дверь в его комнату всегда была приоткрыта на пару сантиметров, чтобы никто и ничто не могло застать Неда врасплох. Много раз он аккуратно разбрасывал игрушки по полу, чтобы сделать таким образом идеальную сигнализацию, но отец всегда заставлял убрать их перед тем, как идти спать. Предпринимать что-то было уже слишком поздно. Но Нед чувствовал себя в относительной безопасности в своем убежище, несмотря на его недостатки.

Он знал, что из этой ситуации есть только один выход. Нельзя шевелиться. Нужно спрятаться под одеяло и не двигаться. Тогда останешься невредимым. И, хотя ему хватило ума никогда это не проверять, Нед знал, что если нарушить это правило и встать, или всего лишь высунуться из-под одеяла, тогда наверняка кто-то или что-то ужасное окажется в комнате и набросится на тебя, и уже ничто в мире не сможет тебя спасти. А если ты невовремя высунешь руку, чтобы проверить воздух, ее могут отрезать или превратить в камень.

Звук был совсем рядом, Нед был уверен, что прямо за дверью. Он хотел заткнуть уши, но даже это движение казалось слишком рискованным. Нельзя шевелиться. Это был звук дыхания, но в нем не было ничего нормального. Кто-то отчаянно пытался вдохнуть ртом, но его дыхательные пути были забиты паутиной или песком – вот что слышал Нед. Он

хотел закричать так громко, чтобы окно распахнулось, и свежий ветер унес все это прочь, но сейчас важнее всего было лежать тихо и бездвижно.

Вот. Оно прошло мимо его комнаты. Несколько секунд спустя Нед услышал перемену в звуке. Босые ноги зашли в ванную комнату. Тяжелый глухой стук означал, что кто-то сел, даже почти упал на сиденье унитаза. Нед подумал, что, может быть, это все-таки кто-то из родителей. Он резко сел в кровати; на мгновение все демоны растаяли в воздухе. Ужасный звук не смолкал, и потом Нед услышал короткий механический щелчок, за которым последовало тихое шипение. Конечно, это же мамино лекарство. Он много раз видел, как она пользуется ингалятором, и, хотя понятия не имел, для чего он нужен, мог с легкостью узнать этот звук. Но неужели это – его мама? Он никогда раньше не слышал, чтобы она так дышала.

Нед выбрался из кровати и подошел к двери. Выглянул в щель. Дверь в ванную комнату была широко открыта. Пока глаза привыкали к темноте, он смутно различал очертания фигуры матери на унитазе. Белая ночная сорочка придавала ей форму в темноте. Сперва Нед почувствовал облегчение от мысли, что в их доме не было никакого призрака или ночного чудовища, но потом в его сознании пробудился другой смутный страх. Почему его мама сидит там вот так? Ее голова упала на грудь, и волосы, словно занавес, закрывали ее лицо. Что-то не так. Она уснула? Она не издавала звуков,

которые можно услышать, когда люди пользуются туалетом. Она вообще не издавала никаких звуков. Нед осознал, что даже ужасное дыхание прекратилось. Он весь дрожал, и ему казалось, что ноги приклеились к полу. Ужас другой природы начал заполнять его изнутри.

Рука его матери расслабилась, и ингалятор со стуком покатился по плиточному полу. Этот звук показался Неду очень громким, и он вздрогнул. Что-то внутри него пыталось заставить его пошевелиться, побежать к маме и сделать для нее все, что только можно, но он не мог сдвинуться с места. Кости превратились в крепко приваренные друг к другу железные прутья, и он мог лишь стоять там, неподвижный, словно огородное пугало.

Потом его мать соскользнула с унитаза и рухнула на пол с таким грохотом, словно задрожали стены. Этот звук отпечатался в мозгу Неда бездонным громом. И тут резко зажегся свет, словно взрыв, и боль пронзила его глаза.

Появился отец, в одних трусах. Но Нед продолжал смотреть на мать. Ее глаза были полуоткрыты, но казались подернутыми какой-то дымкой, как окно машины зимой. Щеки окрасились в невероятно белый цвет, и губы... ее губы сделались синими, а потом лиловыми, прямо у него на глазах. «Она превращается в призрака», – подумал Нед, и вправду ожидая, что через несколько секунд она улетит от них навсегда.

– О боже, нет. – Майкл Ковингтон склонился над женой

и приложил ухо к ее губам. — Дыши, Линда, дыши.

Майкл схватил ингалятор с пола, но когда он попытался засунуть его в рот Линды, то обнаружил, что ее зубы плотно сжаты, и раздвинуть челюсти невозможно. Он легонько ударил ее по щеке ладонью, потом сильнее — безрезультатно. Сбрызнул ей лицо холодной водой из-под крана, но никакой реакции не последовало. Еще раз Майкл приложил ухо к ее лицу. Ничего. «Если она не дышит, — подумал он, — значит, умирает». Сейчас. Здесь. На полу их квартиры. Он схватил ее запястье, но руки дрожали, и он уже рыдал, поэтому не мог понять, есть ли у нее пульс или нет. Он бросился в гостиную, чтобы вызвать скорую. Каким-то образом ему удалось набрать номер и дозвониться.

— ... Сильный приступ астмы...

Эти слова ничего не говорили Неду. Он знал лишь то, что фантом пришел и сделал что-то ужасное с мамой. И в любую секунду она исчезнет прямо у него на глазах. Потом она окажется в плену и станет одной из них, а он ее никогда больше не увидит. А что потом? Скоро, другой ночью, они вернутся и заберут отца. Разве можно их остановить? И Нед останется совсем один. До тех пор, пока они не придут и за ним. Мальчик знал, что, когда это произойдет, ничто его не спасет, даже границы его собственной кровати.

Майкл Ковингтон вернулся к своей бездыханной жене. Подложил подушку под голову, укутал шерстяным одеялом. Приподнял ее ноги и положил на край унитаза, чтобы боль-

ше крови притекало к голове. Но она все равно выглядела как мертвая женщина. Майкл поспешил в спальню, чтобы одеться.

В нескольких метрах от этой сцены, во тьме своей комнаты, Нед наблюдал за происходящим через щель, которая вела в ад. Возможно, он увидел слишком много; услышал определенно слишком много. Перегруженный, он начал цепенеть и уходить вглубь, в дальние внутренние гавани. Как и все люди, Нед жил в двух мирах: дневном и ночном. Но сейчас перед его глазами разворачивалась третья реальность. Странная и пугающая, словно ночь, но в то же время связанная с дневной жизнью родителей, теперь мрачной и искаженной. Всего за несколько минут эти два мира переплелись, и получилась дьявольская смесь. Ничего подобного Нед еще не испытывал. Там, прислоненная к унитазу, словно доска, лежала его собственная мать.

Даже сейчас он не мог пошевелиться. Казалось, он врос в пол. Огородное пугало. На него не падал свет, его не было видно, но сам он видел все. Его мысли, словно огромные аморфные кляксы, сталкивались друг с другом и неуклюже расплывались в сознании. Он не сдвинулся с места. Не сделал ничего, чтобы помочь маме. Ей пришлось сражаться одной, и она проиграла, пока он прятался в своей комнате. Теперь было слишком поздно.

Они его одурачили. Это было хуже всего. Теперь Нед понимал, каким дураком он оказался. Думаешь, что понимаешь,

что к чему, думаешь, что делаешь все в точности как надо, а потом – бах – и оказывается, что ты ошибался. Какому правилу надо следовать, чтобы спастись? Все просто – после того, как спрятался под одеялом и оказался под защитой своей собственной кровати, нельзя вылезать до утра. Если нарушишь это правило, если высунешь хотя бы кончик носа из-под одеяла, произойдет нечто ужасное. Так и случилось. Нед выскочил из кровати, как черт из табакерки и пошел посмотреть, в чем дело. Теперь он все видел, и кошмар стал реальностью. Теперь он вынужден смотреть, смотреть и смотреть, пока все не закончится. Потому что назад под одеяло дороги нет.

Майкл вернулся, полностью одетый, и приложил руку ко лбу Линды. Как по волшебству, от его прикосновения она пошевелилась и слабо застонала. Майкл вздрогнул от неожиданности, но почувствовал облегчение. Потом в дверь постучали, и события начали развиваться с бешеной скоростью. Нед видел, как отец впустил двух мужчин в белой униформе. Один из них нес в руках складное кресло-каталку. Они оба выглядели старше отца. Все трое уставились на мать Неда, словно не знали, что делать с этим беспорядком на полу. «Может, она умерла», – подумал мальчик. Нет, она же только что шевелилась и стонала.

– У нее был приступ астмы.

– Раньше такое случалось?

– Нет, никогда так... Она раньше никогда не теряла со-

знание.

– Она принимает какие-нибудь препараты?

– Вот. – Майкл протянул им ингалятор. – Я пытался дать ей его, но не смог открыть рот.

Парамедики взглянули на баллончик и вернули его Майклу.

– Хорошо, мы ее забираем.

Один из них начал раскладывать кресло-каталку.

– Кажется, она не дышит, – нервно сказал Майкл. – Проверьте, пожалуйста.

– Мы сделаем это в машине.

– У вас есть кислород? – спросил Майкл. – Думаю, ей необходим кислород. Срочно.

– В машине. Первым делом необходимо отвезти ее в машину, – ответил парамедик с креслом-каталкой.

Его напарник сидел на полу и осматривал Линду. Проверил пульс, разжал ее губы и поднес циферблат своих часов к ее носу.

– Она вроде как дышит, – объявил он и поднялся с тяжелым *вздохом*. – Лучше отвезти ее в больницу, там ее осмотрит врач.

Каталка была готова, и все трое мужчин попытались поднять Линду и усадить ее, но она вдруг начала яростно отбиваться руками и ногами, сопротивляясь любой попытке ее переместить.

– Эй, эй, это еще что, – произнес один из парамедиков.

– Линда, дорогая, расслабься и дай нам усадить тебя в кресло, – сказал Майкл.

– Она не хочет ехать.

Нед видел, что глаза его матери теперь были широко открыты. Она бешено озиралась по сторонам, словно видела иной мир или какое-то другое, неизвестное измерение. Кажалось, она не узнает мужа и квартиру.

– Ладно, погнали.

– Раз, два...

Они предприняли еще одну попытку, и снова Линда при- нялась отбиваться руками и ногами. Они так и не смогли поднять ее с пола, где она осталась лежать, обхватив себя ру- ками.

– Как ее зовут?

– Линда.

– Фамилия?

– Ковингтон.

– Миссис Ковингтон, мы усадим вас в большое удобное кресло, – ласково сказал парамедик. – В нем вам будет го- раздо лучше, чем на полу. Поэтому расслабьтесь и дайте нам сделать свою работу. Хорошо? Готовы?

– Раз, два...

«Он разговаривает, как чертов Лоренс Велк³», – со зло- стью подумал Майкл.

---

³ Лоренс Велк (1903–1992) – американский музыкант, импресарио и телеведу- щий. Работал в жанре легкой музыки.

В этот раз Линда оттолкнула одного из парамедиков, освободившись из его хватки, и ногой заехала Майклу в челюсть, сбив его с ног. Второй парамедик, который так и не смог схватить ее, неверяще наблюдал за происходящим. Линда свернулась калачиком на полу, в дверях ванной комнаты. Ее взгляд плясал по стенам.

Парамедики были недовольны. Они подняли ингалятор и изучили его второй раз.

– Она часто это принимает?

– По необходимости, – защищаясь, ответил Майкл. Что-то поднималось в его сознании, пыталось вырваться наружу. Что-то уродливое.

– С ней происходило что-то подобное раньше?

– Нет, я же сказал вам. В худшем случае она начинает задыхаться и у нее кружится голова. Она использует ингалятор и садится, пока ей не станет лучше.

– Вы утверждаете, что у нее астма, но я ни разу не видел, чтобы астматики так себя вели.

– Это точно, – согласился второй парамедик.

– Вы можете что-нибудь сделать? – взмолился Майкл.

– Ничего, пока не отведем ее в машину.

– Это что, какой-то закон? – закричал Майкл.

– Если хотите знать мое мнение, – спокойно продолжил парамедик, – она передознулась этим. – Он указал на ингалятор, словно на вещественное доказательство номер один в зале суда. – Пшик, пшик, пшик – понимаете? Поэтому она и

ведет себя как сумасшедшая. Она просто под кайфом.

Майкла его слова не убедили. Он никогда не слышал, чтобы ингалятор от астмы так действовал.

– Ее скоро отпустит? – спросил он. – Может, нам подождать несколько минут и попробовать поднять ее еще раз?

– Да черт знает, – сказал один парамедик, а второй пожал плечами. – Наверное, вы можете связаться с ее лечащим врачом и спросить, что делать.

«Эти ребята всего лишь водители», – в отчаянии подумал Майкл. Наверное, они уже несколько лет работают в скорой, и они желают только добра, но ничего не смыслят в медицине. С тем же успехом они могли бы заехать сюда, чтобы вывезти запас старых газет. С чем они сталкиваются постоянно – огнестрельными и ножевыми ранениями да алкашами? Они знают, что делать с такими пациентами. Но астма? Вряд ли.

– Ей нужен кислород, – услышал себя Майкл. – Хотя бы его дайте.

Парамедики обменялись взглядами, потом кивками, и один из них вышел за кислородным баллоном.

– Не знаю, поможет ли это, – сказал оставшийся парамедик. – Но мы попробуем.

Он снова повертел в руках ингалятор с видом человека, только что открывшего новую форму жизни.

– Разве у вас нет протокола помощи пациентам с приступами астмы? – спросил Майкл.

– Слишком много пшиков, – пробормотал мужчина.

Нед не сводил глаз с матери. Она напоминала загнанного зверя. Глаза бешено вращались в глазницах, дыхание было прерывистым и хриплым. Казалось, она находится за миллионы километров отсюда. «Она попалась *им*, – подумал Нед. – Она здесь, но она попалась».

Второй медик вернулся в коридор с длинным металлическим баллоном и пластиковой маской для лица.

– Миссис Ковингтон, сейчас мы дадим вам вдохнуть хорошего свежего воздуха, хорошо? Расслабьтесь и сделайте хороший, глубокий вдох.

Стоило им поднести маску к лицу Линды, как она начала извиваться, мотать головой и отбиваться от окружающих.

– Господи Иисусе, я ни разу не видел, чтобы астматики так себя вели. Что, черт возьми, здесь происходит? – спросил парамедик обвинительным тоном.

Майкл скрежетал зубами, словно пытался прогрызть толстую деревянную доску. Ужасные слова рвались наружу. Наконец мысль обрела форму: необратимое повреждение мозга.

– Ей нужен кислород, – в бешенстве сказал Майкл. – У нее был сильный приступ астмы, и в мозг не поступал кислород. Дайте кислород.

Майкл навалился на жену сверху и прижал ее руки к полу. Один парамедик крепко держал ее голову, а второй приложил маску к ее лицу и включил подачу кислорода. Лин-

да забила в агонии и закричала, как смертельно раненый зверь. Они с трудом удерживали ее долгие две минуты. Она рычала, редела, выла и наконец застонала. Силы оставляли ее. Она была похожа на умирающее земное создание во время конца света. Когда все было кончено, она обмякла на полу. Лицо было бледным, а волосы и ночная рубашка пропитались потом. Она походила на кучу костей в тонком кожаном мешке. Только взгляд был все еще жив и лихорадочно метался по комнате.

– Я в порядке, все хорошо. – Слова поспешно сорвались с ее губ. – Я устала, я так устала.

– Готов поспорить, что устали, – с улыбкой сказал один из парамедиков. – Я тоже устал.

– Линда, милая! – воскликнул Майкл. Ему не верилось, что она смогла прийти в себя.

– Я устала, так устала, – повторила она.

– Конечно устала, милая, – сказал Майкл. – Все будет хорошо, но тебе надо к врачу.

– Хорошо, но не сейчас, – устало произнесла Линда. – Я хочу немного отдохнуть.

– Отдыхай, милая, все хорошо. Мы тебя отвезем.

– Нет, оставьте меня пока. – Ее рука задрожала. – На пару минут... – Она закрыла глаза.

– Похоже, она уснула, – через минуту сказал один из парамедиков.

– Я бы тоже не против, – заметил второй.

Наконец они смогли усадить Линду в кресло-каталку и застегнуть ремень на ее талии. Можно было ехать.

– Хотите поехать с нами?

– Да... о, нет. Я не могу, – сказал Майкл. – У нас там ребенок спит. – Он жестом указал на дверь в комнату Неда, не заметив, что она приоткрыта.

– Ничего страшного, – успокоил его один из парамедиков. – Все равно ваша помощь в больнице не потребуется.

– Отдохните пока, – посоветовал второй. – Приедете к ней попозже.

Майкл улыбаясь смотрел, как они увозят Линду. Это показалось Неду странным. Да, его мать не улетела и не исчезла, но ее все равно нет. Почему же отец так счастлив?

Майкл пошел в гостиную и записал название больницы и номер отделения. Через пару часов нужно будет позвонить туда и узнать, как идут дела. Наконец он рухнул на диван. Он провел рукой по волосам и заметил, что они слиплись от пота. «Будто в боях без правил поучаствовал, – подумал он. – Слава Богу, с ней все в порядке... если, конечно, в порядке».

Что бы случилось, если бы он не услышал, как сначала ингалятор, а потом Линда, падают на пол? Что, если бы он не заставил себя проснуться и проверить, в чем дело? Умерла бы она прямо там, на полу ванной – с головой, торчащей из двери? А потом он нашел бы ее труп. Или Нед...

Нед!

«Боже, надеюсь, он все это проспал», – взмолился Майкл.

Было тяжело встать с дивана, но он все-таки пошел в комнату сына. Он знал, что дверь в комнату Неда всегда немного приоткрыта, но в суматохе не подумал ее закрыть или убедиться, что мальчик крепко спит.

– О нет, – прошептал он. Нед все еще стоял на месте и грустно смотрел вперед. Одной рукой он держался за свой пенис через пижамные брюки.

– Эй, почему ты не спишь? – спросил Майкл, стараясь звучать как можно спокойнее. – Тебе нужно в туалет, Нед?

– Нет.

Какой он крохотный и несчастный!

– Тогда иди в кроватку спать. Ночь-полночь.

Майкл взял мальчика на руки и отнес в кровать. Смахнул мягкие светлые волосы с его лица.

– Ты уверен, что не хочешь писать?

– Да. – Его голос задрожал, словно он вот-вот расплачется.

– Хорошо, тогда давай спать. – Майкл обнял Неда. – Ты же знаешь, что Халку нужно спать, иначе утром он не будет таким сильным.

– Я не хочу.

– Нед, все хорошо?

– Где мамочка?

Ну вот.

– Мамочка заболела, Нед. Ей пришлось уехать к врачу, но она поправится, и завтра мы с тобой к ней съездим. Хорошо?

– Но где она?

– Уехала к врачу.

– Я хочу к ней.

– Хватит, Нед. Я же сказал, что скоро мы к ней поедem.

Ты же хочешь, чтобы мамочка поправилась, правда?

– Да.

– Чтобы поправиться, ей пришлось уехать в больницу. А нам с тобой надо как следует выспаться, чтобы завтра ее навестить.

– Но я хочу к ней сейчас.

– Я тоже хочу, Нед. Но сейчас самое главное, чтобы она поехала к врачу. Ты любишь мамочку, я люблю мамочку, а она любит нас. Мы любим друг друга, но мамочке нужно в больницу. Я же не плачу из-за этого, правда?

– Нет. – Как это слово в устах четырехлетнего ребенка может звучать так твердо?

– Мы же рады, что мамочка поехала к врачу и скоро поправится?

– Я хочу...

– Мне хочется лечь спать здесь с тобой, Нед. Хорошо? Можно? Потом мы проснемся и утром поедem к мамочке. Ладно? Можно мне лечь спать здесь с тобой?

– Хорошо, – наконец ответил Нед.

– Здорово. А теперь обними меня крепко-крепко.

Нед обнял Майкла за шею, но его руки очень ослабли. Майкл укутал себя и сына одеялом и прижался к мальчику. Свет за окном был серым, и он задумался, сколько времени

прошло. Казалось, миновали часы с тех пор, как он увидел Линду на полу, но вполне вероятно, на самом деле пролетели минуты. Наполнявшие сознание образы были слишком яркими, надо было поскорее прогнать их сном, если получится.

Нед крепко прижался к нему – хороший знак. Майклу невыносимо было думать о том, что видел мальчик. И Линда, дорогая Линда... Что, черт возьми, с ней произошло? Да, у нее астма, но у нее никогда не было приступа, даже отдаленно напоминающего этот. Что его вызвало? Она пользовалась ингалятором три или четыре раза в день, в особенно сухую погоду немного чаще, но это все.

А теперь случилось это. Она билась в истерике и бредила. словно обезумела, дралась, орала. Парамедики наверняка решили, что она принимает наркотики, а не только лекарство из ингалятора. С болью он вспоминал, как они посмотрели на Линду, когда ее ночная рубашка задралась выше бедер. И как они смотрели на Майкла, словно это он виноват в том, что произошло.

Майкл глубоко вздохнул. С мальчиком все хорошо. Что бы он ни видел, теперь он крепко обнимал отца и размеренно дышал во сне. «Когда взойдет солнце, это все покажется ему дурным сном», – подумал Майкл. Дети отличаются крепостью духа.

Линда должна поправиться. «В Вашингтоне у нас только дела пошли в гору. И наша совместная жизнь только начинается, – думал он, – так что она просто обязана пойти на

поправку. И еще Нед. Пусть произошедшее не травмирует его, не оставит шрамов на его душе. Пусть...» Майкл заснул.

Нед находился в полудреме, но сознание еще не совсем покинуло его. В объятьях отца он чувствовал себя в безопасности. Одно из правил заключалось в том, что, если ты с одним из родителей или с обоими, с тобой ничего не произойдет. Как ему хотелось спать с ними каждую ночь, но они не разрешали. Нед не мог понять, почему. Словно им хотелось накликать беду.

Он был не в состоянии думать о том, что произошло этой ночью. Слишком устал и ослаб. Кроме того, какая разница. Может быть, мать вернется, а может, и нет. По сравнению с настоящей проблемой это казалось не таким важным. Нед знал, что произошло на самом деле. Пришел фантом и превратил его мать из человека в ревущего бешеного пса. Даже если она выживет и вернется домой, ничего не изменится. Назад дороги нет. День и ночь смешались раз и навсегда.

Это была лишь демонстрация того, на что они способны. *Если они смогли сотворить такое с твоей матерью, только представь, что они могут сделать с тобой...*

1. Линнхейвен

Теперь это был и не город вовсе. Можно было ездить по старому прибрежному путепроводу каждый день и даже не заметить Линнхейвен. Те, кто все-таки заезжал в него, описывали городок как «сонный». Местные эксперты часто использовали слово «кома», а городские чиновники утверждали, что Линнхейвен находится в переходном периоде. Даже если и так, то период этот длился уже тридцать или сорок лет. Линнхейвен был не столько городом, сколько рыбацкой деревушкой, но даже рыбными промыслами здесь почти никто больше не занимался. Все больше молодых людей считали ловлю рыбы и крабов тяжелой малооплачиваемой работой и отправлялись попытать счастья куда-нибудь еще. Если у Линнхейвена и было будущее, то оно лежало в области легкой промышленности, типового жилого строительства, кондоминиумов, торговых центров и сетей ресторанов быстрого питания. Но новая эра еще не наступила. Линнхейвен оказался забытым маленьким городком, который вяло ждал, когда о нем вспомнят.

Вдоль побережья располагались другие города, больше по площади и обросшие пригородами, поэтому Линнхейвен не казался удаленным или изолированным. Но территория вдали от моря, лежавшая за низкими холмами, представляла собой неосвоенные, неприветливые леса и болота, которые тя-

нулись на десятки километров. Линнхейвен был всего лишь одной из небольших и непритязательных остановок на пути вдоль Чесапикского залива из Аннаполиса в Норфолк.

В старые времена, до того, как Великая депрессия и скандальные происшествия привели к закрытию спа-отеля, население Линнхейвена составляло десять тысяч человек, но к настоящему времени оно сократилось на треть. Шервуды давно умерли или уехали, от их спа-отеля остались лишь руины на холме. С жильем в Линн-хейвене проблем не было. Несколько приличных домов, отделанных белой вагонкой, стояли пустые, с заколоченными ставнями и ждали нового владельца. Все до единой пристани вдоль Полидори-Стрит нуждались в починке или косметическом ремонте, но никогда это не беспокоило. Да и какой смысл? Это место превратилось в царство облупившейся краски и прибитых к берегу серых коряг, и если его обитатели давным-давно перестали относиться к нему серьезно, то, может, так было проще.

Спа-отель на холме прославил Линнхейвен в 1920-е. Построившие его Шервуды на несколько лет принесли городу относительное процветание. Местные старожилы, которые что-то помнили о тех временах, относились к отелю как к чудачеству или безделице, возникшей посреди их города и потом, как обычно происходит с подобными предприятиями, рухнувшей. Конечно, деньги – всегда хорошо, но прошло слишком много времени, и жители Линнхейвена испытывали лишь безразличие к смутным воспоминаниям, похо-

роненным в руинах на краю города.

Линнхейвен нельзя было назвать мрачным или неприятным местом. Некоторые даже считали, что в его запущенности есть что-то причудливое и привлекательное. Но город не мог похвастаться хорошим пляжем или другими достопримечательностями. Туристы, проезжавшие через Линнхейвен, обычно ограничивались посещением пары центральных улиц.

В местном супермаркете продавалась бутилированная Линнхейвенская вода, но ее почти никто не покупал. Ее минеральный состав, содержащий большое количество серы, может и был полезен для здоровья, но вкус оставлял желать лучшего. Среди других коммерческих заведений города выделялись пара магазинов «Все для рыбалки», винтажный авто-салон «Вестерн Авто», кондитерская «У Мэй», которая специализировалась на непримечательных ирисках с солью, и антикварная лавка, часы работы которой полностью зависели от желания ее владельца, Монро Тиллотсона.

Два самых больших и элегантных дома в городе были превращены в пансионы и предоставляли недорогое жилье для линнхейвенских вдовцов и вдов, старых дев и холостяков, тех, у кого не было родственников или денег, чтобы жить где-то еще. Они жили на пенсию и случайные заработки. Например, мисс Меррион, снимавшая комнату в «Лорел Хаус», торговала журнальными подписками и отправляла почту для компании из Миннеаполиса, которая находилась за тысячу

километров от Линнхейвена.

Хотя в Линнхейвене не было ничего особенно привлекательного, худшим местом для жизни на земле назвать его тоже было нельзя. Если вам нравятся морепродукты, то здесь можно было очень дешево питаться. Лодки выходили в море каждое утро и возвращались каждый вечер, и когда они разгружались, можно было неплохо поторговаться. Более того, Линнхейвен был абсолютно безопасным городом. На протяжении более чем сорока последних лет единственной работой местных полицейских в составе двух человек было содержать в порядке служебный автомобиль, да приструнивать разбушевавшихся пьянчуг. Мисс Мэррион и прочие жители города могли спокойно возвращаться домой после игры в бинго, не опасаясь за свою безопасность. Даже местные собаки вели себя как следует.

Естественно, Линнхейвену приходилось обходиться без некоторых благ цивилизации. Здесь не было местной газеты и библиотеки, а кинотеатр «Реалто» много лет назад переоборудовали в склад. «Эббот и Кастелло встречают Франкенштейна» 1948 года оказался последним фильмом, показанным в этом кинотеатре. Ближайший гипермаркет находился почти в десяти километрах, а церковь Святого Павла, единственная в Линнхейвене, собирала под своей крышей немногочисленную, но надежную лютеранскую паству. Пожарная часть состояла исключительно из волонтеров и выезжала на вызовы лишь несколько раз в год, когда у кого-то

загорался жир на сковороде или случалось короткое замыкание из-за старой проводки. Если бы когда-нибудь произошел настоящий пожар, особенно на Полидори-Стрит, где здания стояли вплотную друг к другу, то половина города оказалась бы стерта с лица земли за считанные часы. Но в Линнхейвене ничего подобного никогда не происходило.

Некоторые утверждали, что Вторая мировая война была последним событием, взволновавшим жителей города. Местные мужчины, по тем или иным причинам не призванные в армию, организовали своего рода неофициальный отряд территориальной самообороны. Вооружившись ружьями, дубинками и гарпунами, они патрулировали побережье днем и держали караул ночью. Если бы немецкая подводная лодка попала к ним в руки, то ей бы не поздоровилось. Но даже нацисты не стали утруждать себя посещением в Линнхейвена.

Президенты вступали в должность и уходили, а жизнь местных жителей никак не менялась. Лишь немногие из них были зарегистрированными избирателями, а голосовали и того меньше. Политика, как и преступность, казалась им чем-то чужеродным. За ней можно следить по телевизору, если уж очень хочется. Несмотря на близость к Вашингтону, а может, как раз из-за нее, в Линнхейвене не было ни одного бомбоубежища на случай ядерной войны. Какой в нем смысл? Только один из сынов города, Марв Уилкоккс, воевал во Вьетнаме. Оттуда он вернулся с кучей сувениров и поря-

дочным банковским счетом. Марв переехал в Ньюпорт-Ньюс и работает по контракту на ВМФ.

У всех городов есть свои тайны, и Линнхейвен – не исключение. Но тайны на то и тайны, чтобы о них каждый что-нибудь да слышал, и тогда они, погруженные на дно каждодневной жизни, становятся частью обыденности, слишком привычной и банальной, чтобы вызывать какой-то интерес у кого-нибудь, кроме сплетников – и даже для них они – скудная пища. Измены, петушины или собачьи бои, которые проводятся в лесу – раз в месяц во время воскресной проповеди лютеранский священник преподобный Хэрнак упоминал эти греховные дела, но даже он ограничивался лишь дежурным осуждением. Тайны? Да, самые обычные.

Более или менее.

2. Рыболовная лавка

Старик крепко привязал один конец лески к полоске свиной кожи длиной в семь сантиметров.

– Вот и все, – сказал он.

– Разве тебе не нужен крючок? – спросил Нед.

– Для того, чтобы поймать рака, крючок не требуется. Подожди и увидишь.

Старик забросил приманку в воду и подергал за короткий конец лески. Нед видел, как полоска свиной кожи держалась какое-то время на плаву, а потом пошла ко дну.

– А теперь что?

– Подождем несколько минут, пока они соберутся вокруг приманки, чтобы пообедать. Уже скоро.

– Лузгарь, а как эта речка называется?

– Не речка, а ручей. И называется он ручей Олд-вудс. Вся земля вокруг это Олд-вудс.

– Ручей Олд-вудс, – повторил Нед. – А какая разница между речкой и ручьем?

– Если можешь его перепрыгнуть, то это ручей. Если не можешь – то речка.

– А тогда какая разница между речкой и рекой?

Лузгарь фыркнул в ответ.

– Река – это просто речка, которую кто-то решил назвать рекой. – Потом он добавил. – Если ты, конечно, не имеешь

в виду реку вроде Миссисипи. Вот это – настоящая река. Но таких не много. Большинство рек – всего лишь разлившиеся речки.

– Думаешь, кто-нибудь уже попался?

– Давай посмотрим.

Лузгарь потянул за леску. С полоски свиной кожи свисало четыре рака.

– Ух ты! Ты только погляди! – воскликнул Нед.

– Маленькие жадные негодники, – улыбаясь сказал Лузгарь. – Мистер Рак такой дурак, что ни за что не выпустит добычу, даже если его поймали и он сам превратился в приманку для окуня.

– А они кусаются?

– Большие могут и цапнуть, пожалуй. С ними надо быть осторожней. Но эти малыши ничего тебе не сделают.

Лузгарь осторожно открепил раков от лески и бросил их в ведро с водой. Затем он и мальчик переместились на несколько метров вдоль ручья и снова забросили леску с приманкой в воду. Лузгарь порылся в старом холщовом рюкзаке и достал банку пива.

– Можно мне?

– Сколько тебе лет, Недли?

– В августе будет десять.

– Хорошо, – ухмыльнулся Лузгарь. Он передал банку Айрон Сити Неду, тот сделал глоток и поморщился. – Только родителям не проболтайся.

- Не скажу. Мне все равно не понравилось.
- Погоди несколько лет и попробуй еще раз.
- Лузгарь?
- Хммм?
- Это твое настоящее имя?
- Сейчас да.
- А раньше у тебя было другое?
- Боюсь, что так.
- Какое?
- Это секрет.
- Я никому не скажу.

Старик вскинул бровь и с притворной серьезностью посмотрел на своего маленького спутника.

- Откуда мне знать, что ты правда никому не скажешь?
- Обещаю.
- Правда?
- Честно.
- Хорошо, я тебе поверю. Но если нарушишь слово, то у тебя будут большие неприятности.
- Никому не скажу, честно-честно.
- Хорошо. Меня звали Хэмиш.
- Это еще что за имя такое? – спросил Нед. Он никогда раньше его не слышал.
- Что б я знал, – ответил Лузгарь. – Никогда его не любил.
- А почему тебя теперь зовут Лузгарь?
- Лучше, чем Обловщик, правда?

– Обловщик?

– Ага.

– Разве это имя?

– Могло им быть, – сказал Лузгарь и снял еще трех раков со свиной кожи.

Нед молча наблюдал за ним. Иногда старик нес какую-то чепуху, но это не имело значения. Неду нравилось быть в компании Лузгаря. Они познакомились несколько недель назад, почти сразу после переезда Ковингтонов в Линнхейвен. В одну из своих первых прогулок по городу Нед наткнулся на длинный низкий сарай, стоявший в том месте, где заканчивалась улица и начинался пустырь. На серой стене он с трудом смог прочесть выцветшую надпись «ПРИМАНКИ». Мучимый любопытством, Нед подошел к открытому дверному проему, ступая по густой траве. Внутри было темно и слышалось тихое журчание воды. Нед хотел уже уйти, но заметил, что немного света поступает через окошки в центре сарая. Он зашел внутрь и подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. В сарае оказалось прохладно и чувствовался сладковатый запах свежевспаханной почвы. Нед понял, почему. Под ногами вместо пола была голая земля. В сарае стояло много столов с ящиками. В каждом ящике был слой земли в несколько дюймов толщиной, дом для сотен извивающихся червей. «Идеальное жилище для вампира», – подумал Нед. В глубине сарая он нашел две потрескавшиеся ванны, в которых копошились несколько десятков раков. Нед нико-

гда их раньше не видел живьем, хотя видел их на картинках в книгах. Свежая вода тонкой струйкой поступала в ванные через шланг. На других столах стояли большие металлические корыта с чем-то, что напоминало ошметки водорослей, плавающих в воде, и ящики с песком и мхом. Нед не знал, есть ли какие-то объекты животного мира в этих контейнерах, но засовывать туда руку и проверять наощупь не соби-рался. Оконные стекла были настолько грязными и засижен-ными мухами, что уличный свет внутрь почти не проникал.

Нед направился к выходу и увидел высокого крупного мужчину, стоявшего в дверном проеме. В одной руке он держал металлическую корзинку с живыми крабами, кото-рые щелкали клешнями и взбирались один на другого. Нед подпрыгнул от испуга. Но мужчина добродушно рассмеял-ся, вошел в сарай, представился Лузгарем и поприветство-вал мальчика. В итоге Нед провел с ним больше часа в бол-товне за разделкой крабов.

– Значит, вы только что переехали из Вашингтона, округ Колумбия?

– Да.

– Тут все совсем по-другому, правда? – Лузгарь опустил руку в корыто с водорослями и достал из него банку пива.

– Это точно, – согласился Нед.

– Твой папа работает в Вашингтоне?

– Да.

– И ездит туда-обратно каждый день?

– Конечно.

– Наверное, он любит свою машину.

– Она коричневая, с белым верхом.

– Чтоб меня.

Лузгарь был высоким, крепким мужчиной, которому приходилось слегка нагибаться внутри сарая. Его грубое, обветренное лицо не было лишено теплоты и дружелюбия. Когда он улыбался – почти каждый раз, когда Нед что-то говорил – то улыбался одними глазами. Должно быть, мальчику Лузгарь казался столетним стариком, но они сразу же подружились. Его шершавые и огромные, как у великана, руки поражали своей ловкостью, когда разделявали краба или завязывали сложный узел.

Еще Нед познакомился с Мутным, чернокожим стариком с блестящим круглым лицом, золотыми зубами и кудрявой копной седых волос. Мутный был «партнером Лузгаря по ловле приманки, крабов и всему такому».

– Он рассказал тебе, как ловит этих крабов? – спросил Мутный.

– Нет.

– Неужели? Тогда я тебе расскажу. Он идет на мелководе, в место, где живут крабы, и ловит их на свои большущие белые пальцы ног.

– Пальцы ног? – Нед не знал, верить этому или нет.

– Именно. И когда он чувствует, что клешня сомкнулась на пальце, то понимает, что поймал краба.

– Хотел бы я посмотреть на краба, который захочет схватить тебя за палец, – сказал Лузгарь.

В последующие дни Нед старался бывать у Лузгаря и Мутного как можно чаще. Они всегда шутили, рассказывали истории и были рады его видеть. И они всегда одевались в одну и ту же одежду. Лузгарь был одет во фланелевую рубашку, зеленые рабочие штаны и тяжелые ботинки, а Мутный – в костюм и кроссовки. Одежда у обоих была мягкая, местами прохудившаяся и казалась их ровесницей. Иногда Лузгарь носил выцветшую серо-зеленую бейсболку. А в нагрудном кармане пиджака Мутного лежал пластиковый пенал, полный шариковых ручек, которыми он никогда не пользовался.

Рыболовная лавка была местом чудес. В глубине, за столами и ваннами, находился закуток с тремя креслами – двумя обычными (без ножек) и одним автомобильным. На стене над ними висели различные инструменты, каждый из которых казался Неду чем-то загадочным. Повсюду валялись ржавые пивные банки, и эта коллекция постоянно пополнялась новыми пустыми экспонатами. Пусть сарай был обшарпанным и захламленным, но почти десятилетнему мальчику, только что переехавшему из большого города, он казался волшебным местом – прохладным и темным убежищем от жаркого солнечного лета.

– Думаю, на сегодня хватит, – сказал Лузгарь. Вода в ведре кишела раками. – Они скоро начнут друг друга жрать, если их не поместить в ванны.

– Жрать друг друга? – переспросил Нед. – Как каннибалы?

– Чем дольше мы тут пробудем, тем больше клешней и лап они друг у друга поотрывают.

Они вернулись к рыболовной лавке. Рядом на деревянном ящике сидел Мутный, прислонившись к куче старых покрышек.

– Только посмотри на этого ленивого сушкиного сына, – громко сказал Лузгарь. – Эй, разве ты недостаточно загорел?

– Перерыв на обед, – произнес Мутный, не открывая глаз.

– Он всегда спит во время обеденного перерыва, – объяснил Лузгарь Неду. – Никогда не видел, чтобы он обедал.

Лузгарь зашел в сарай, а Нед остановился рядом с Мутным. У него был вопрос, который он не мог задать Лузгарю.

– Мутный.

– Ммм?

– Что это?

Мутный открыл глаза и увидел, что Нед показывает на хибару, стоявшую за сараем. Она казалась крохотной – четыре стены, плоская крыша с трубой, дверь и единственное окно. Площадь дома была около трех с половиной квадратных метров. Рядом стоял старый автомобиль. Стекла в окнах сохранились, но кузов проржавел, а колеса без покрышек заросли травой. Это был «Студебекер», но больше походил на останки древнего чудовища, выброшенного на берег.

– Это? Дом Лузгаря.

– Да? Я так и подумал, что он там живет, – сказал Нед.

– Он в этом доме не живет, – поправил его Мутный. – Это его дом, но он в нем не живет. Нет, он *не может* там жить.

– Не может? Почему?

– Сам посмотри, – предложил Мутный, махнув рукой. – Вперед, открой дверь.

– А он не будет против?

– Нет, не будет. Лузгарь сам покажет тебе свой дом, если ты попросишь.

Нед подошел к двери в хибару и застыл в нерешительности. Что он ожидал увидеть за дверью – выпотрошенный интерьер, обвалившийся пол, полчища крыс? Нед потянул за дверную ручку и отскочил назад. Из хибары выкатилось несколько десятков пустых пивных банок. Нед услышал за спиной смех Мутного.

– Ух ты! – воскликнул мальчик. – Где он взял столько банок?

Услышав этот вопрос, Мутный рассмеялся еще громче. Нед подошел ближе и заглянул внутрь. На полу хибары от стены до стены разлилось озеро пустых пивных банок, около полуметра глубиной. Этих банок хватило бы, чтобы построить город размером с Питсбург. Посреди этого озера, словно мачта затонувшего корабля, торчала ручка от швабры. Мебели или других вещей видно не было. Нед не мог даже представить, сколько всего банок было в хибаре.

– Здесь можно найти старинные банки, – сказал Мут-

ный. – На самом дне.

– Боже, и где он тогда живет?

– В машине, где же еще.

– В машине?

В этот момент из сарая показался Лузгарь и выбросил пригоршню крабовых ошметков в небольшую овощную грядку, находившуюся в нескольких метрах. Потом он посмотрел на Неда.

– Кстати, эта машина чертовски хороша, – сказал он и снова скрылся в сарае.

– У него других не было, – лениво проговорил Мутный. – Хранил ее все это время.

– Как и пивные банки, – предположил Нед. – Здесь, наверное, все, которые он выпил за свою жизнь.

– Не совсем. Остальные закопаны где-то неподалеку. Не помню, где точно.

– Закопаны?

– Конечно. Раньше он все закапывал, пока их не стало слишком много.

Мутный сказал это таким тоном, словно вполне естественно хоронить пустые пивные банки, но для Неда это было уже слишком. Он подошел поближе к машине. Ее окружали густые высокие заросли сорняков и полевых цветов. Кажалось, сама машина выросла здесь, словно экзотический овощ, питаемый почвой, морем и бесчисленными подземными пивными банками. Переднее сидение отсутствовало.

Скорее всего, именно оно находилось в сарае. На полу лежали одеяла и подушка. Все выглядело очень опрятно.

– Здорово спать в машине. Но разве зимой не холодно?

– У него есть обогреватель и радио. Нужно лишь время от времени заряжать аккумулятор.

– Но почему он спит здесь, а не в доме?

– Я никогда не знал ответа на этот вопрос, Головастик. – Мутный задумался и пожал плечами. – Полагаю, по какой-то неизвестной причине.

Лузгарь вернулся с банкой пива в руке и сел на деревянный ящик рядом с Мутным и Недом.

– Значит, этот лодырь рассказал тебе о моем доме?

– Да, он классный. Вот бы мне ночевать в машине. Мужчины рассмеялись.

– Но зачем тебе столько пивных банок? – спросил Нед. – Почему их нельзя просто выбросить?

– Я так и поступал. Выкапывал яму в земле, выбрасывал их в нее, и потом закапывал. Потом я устал и начал забрасывать их в машину. Не лучшая идея, потому что в машине скоро не осталось места. Поэтому, вместо того чтобы жить в доме и бросать банки в машину, я решил жить в машине и хранить банки в доме. Долго я эту проблему решал, но с тех пор все в порядке. Отлично работает.

– Это его система, – встрял Мутный, как будто это все объясняло.

– Но почему нельзя попросить мусорщика забирать их

каждую неделю?

– Если мусорщик придет сюда, он заберет все с потрохами, – ответил Лузгарь, и они с Мутным расхохотались.

– А ты где живешь, Мутный? – спросил Нед.

– В городе.

– В отеле «Капитолий», – саркастически заметил Лузгарь.

– Недалеко от Полидори-Стрит, – продолжил Мутный, не обращая внимания на замечание друга. – Снимаю там комнату.

– Не знал, что в этом городе есть отель, – искренне удивился Нед. Он всегда думал, что отель – это большое здание с большой вывеской. Ничего подобного в Линн-хейвене не было.

– Его сложно заметить, – рассмеялся Лузгарь.

– Раньше, во времена линнхейвенского спа, здесь было много отелей.

– Спа? – Нед впервые слышал это слово.

– Да, конечно. Богатые белые из самого Вашингтона приезжали сюда, чтобы принять ванну.

– Во всех смыслах, – добавил Лузгарь.

– Это точно, – согласился Мутный.

– Ванну? – Нед приготовился выслушать очередную удивительную историю.

– Да, говорю тебе, – продолжил Мутный. – Толстосумы из правительства приезжали сюда со своими женами и подружками, и они принимали горячие ванны в спа. Говорят, по-

лезно или вроде того. Прямо здесь, в Линнхейвене. Когда-то этот городишко был шикарным.

– Здесь даже железнодорожный вокзал был, – сказал Лузгарь. – Поезда напрямую из Вашингтона ходили.

– Точно. И город назывался Линнхейвен-Депо. Потом, когда все кончилось, люди стали звать его просто Линнхейвен. Они забыли о депо.

– Что же случилось? – спросил Нед.

Мутный вытянул вперед руку ладонью вверх.

– Вода испортилась, – ответил Лузгарь.

– Вот значит, в чем дело, – усмехнулся Мутный. – А я так и не понял.

– Вода испортилась, кто-то из-за этого окочурился, спа закрыли, железную дорогу разобрали. Вот и все.

– Как может вода испортиться?

Лузгарь улыбнулся в ответ:

– Недли, человек может испортить все, что угодно. Кто-то что-то положил в воду или в землю, и вода испортилась. Вот что произошло.

Мутный нахмурился:

– Разве это доказали?

– Никто ничего не доказал, – многозначительно произнес Лузгарь. – А это означает, что я прав. Мы с тобой, Мутный, последние жители города, которые помнят о произошедшем.

– Это точно.

– Но ты мало что помнишь...

– Еще Мистер Макл из отеля. Он тоже может об этом рассказать. Он застал те события.

– Думал, Макл уже умер.

– Можно подумать, тебе есть до него дело.

– Мутный?

– Да, Головастик.

– Мутный – твое настоящее имя?

– Дались тебе эти имена, – сказал Лузгарь и покачал головой.

– Настоящее? – повторил Нед, не давая себя отвлечь.

– Я не скажу тебе свое настоящее имя, – широко улыбувшись, ответил Мутный. – Но расскажу, почему меня называют Мутным.

– Хорошо. – Такой расклад Неда устраивал. – Почему?

Чернокожий мужчина наклонился к Неду и пристально на него посмотрел.

– Посмотри в мой правый глаз, – сказал он. Нед повиновался. – И что ты видишь?

– Ну... – Нед сосредоточился. – Большой карий глаз.

Лузгарь рассмеялся и сделал еще один глоток пива. Банка опустела, и он швырнул ее в хибару.

– Что еще? – настойчиво спросил Мутный. – Что с ним не так?

– Не знаю. Обычный глаз.

– Эх, ты ничего не замечаешь, Головастик. Хорошо, я скажу. Когда мне было столько же лет, сколько тебе, моя мама

посмотрела в мои глаза и сказала «Твой правый глаз мутный. Мутный». И один из моих братьев начал меня дразнить: «Твой правый глаз мутный, Мутный?» А я ответил: «Нет, просто мутный». С тех пор меня и зовут Мутным. Понятно?

– Но твой глаз не мутный, ведь так? – Нед не знал, как выглядят мутные глаза. Он ни о чем подобном не слышал.

– Наверняка мутный. Все так говорят.

– Как ты видишь, ну, нормально? – спросил Нед.

– Да, я хорошо вижу. Только все кажется немного мутным.

Мужчины снова расхохотались, и Лузгарь открыл очередную банку пива.

– Хотите, скажу свое второе имя? – предложил Нед.

– Конечно, хочу.

– И я.

– Майкл. Так зовут моего отца.

– Майкл, – повторил Мутный. – Хорошее имя.

– Вам можно сказать, потому что вы – мои друзья.

– Спасибо, Недли, – с теплотой сказал Лузгарь и поднял большой палец.

– В таком захолустье без друзей не обойтись, – весело отозвался Мутный. – И теперь они у тебя есть.

День тянулся своим чередом. Пару раз в сарай заезжали покупатели. Нед рассказал Лузгарю и Мутному, каково это было жить в квартире в Вашингтоне, и что его родители дождались окончания школьного года в июне и после этого переехали в Линнхейвен, хотя дом купили двумя месяцами ра-

нее.

– Вы теперь живете в бывшем доме Фарли, – сказал Лузгарь.

– В доме Фарли? – Брови Мутного взлетели вверх. – Он там живет?

– Что за дом Фарли? – спросил Нед.

– Ты там живешь, – сказал Лузгарь. – Чем твой папа занимается в Вашингтоне?

– Работает в налоговом управлении. – Нед понял, что своим ответом он позволил Лузгарю снова сменить тему, но это было не важно. Разговор с Лузгарем и Мутным всегда вился вокруг да около, словно птичье гнездо.

– В налоговом уравнении, – нараспев протянул Мутный.

– Хорошая и надежная работа, – быстро сказал Лузгарь. – Твои родители родом из Вашингтона?

– Из Буффало, штат Нью-Йорк. Мы ездим туда пару раз в год к бабушке и дедушке. Обычно летом и на Рождество. Но этим летом мы к ним не поедem, потому что только что переехали.

– Буффало, – произнес Мутный. – Ты был в Буффало. А я никогда там не был, хотя в тыщу раз старше тебя, Головастик. Что ты на это скажешь?

Много позже после того, как Нед ушел домой и тучи на небе склубились в темнеющий закатный пурпур, Мутный пнул кучу грязи носком ботинка, словно нетерпеливый конь.

- Мне пора в город.
- До встречи.
- Тот парнишка очень славный.
- Это точно.
- Он живет на земле Фарли?
- Верно.
- Знаешь...
- Чепуха, – перебил его Лузгарь.
- Знаю, знаю.
- Кроме того, ни черта уже не сделаешь в любом случае.

3. Родители

Майкл Ковингтон передал жене бокал с шерри и налил себе двойной бурбон с капелькой воды. Он попробовал напиток, оценил его положительно и уселся в свое добротное кожаное кресло.

– Мы хотели поселиться в Богом забытом месте, – сказал он. – В уютном, тихом, старом городке. И мы теперь здесь.

Линда кивнула.

– Знаю.

Она не притронулась к шерри и крепко держала бокал в одной руке.

– Здесь никто не строит бесконечные ряды новых коттеджей, как в городках вокруг, чего мы и хотели избежать.

– Знаю. И мне правда нравится Линнхейвен, – сказала Линда. – Есть что-то очаровательное в его захудалости.

– И? – Майкл взял одну из своих курительных трубок и начал вертеть ее в руках. Он уже давно не курил дома, но всегда имел при себе минимум одну трубку.

– В этом вся проблема, – продолжила Линда. – Линнхейвен подходит мне, и тебе, насколько я могу судить, но...

– Именно.

– ...но я не уверена, что он подходит Неду.

– Здесь ты ошибаешься, – уверил ее Майкл. – Ему здесь нравится. Не надо быть дипломированным детским психо-

логом, чтобы это понять. Лучшее, что мы могли сделать для этого ребенка – вывезти его из Вашингтона.

– Не называй его «этим ребенком», Майкл, пожалуйста.

– Милая, послушай, впервые в жизни он видит, что такое природа. Здесь есть лес, и поля, и ручьи, и пляж. Он может наблюдать, как рыболовные лодки выходят в море и возвращаются с уловом. Он в полном восторге от всего этого.

Майкл откинулся на спинку кресла с видом человека, который только что дошел до последней черточки в идеальном бухгалтерском балансе.

– Все так, – признала Линда, – и это действительно важно, и я рада за него. – Она говорила медленно и четко, словно пыталась объяснить свои сомнения прежде всего самой себе, а не своему мужу. – Но... Не знаю... У него здесь нет друзей.

– Они появятся. Дай ему время. Мы здесь всего лишь месяц.

– Вот именно. Дети заводят друзей за день-два. И даже за пару часов. Но местные ребята или гораздо старше, или совсем малыши.

Майкл вздохнул.

– В сентябре он пойдет в новую школу, познакомится с ровесниками. Тогда у него появятся друзья.

– Может быть, но они наверняка будут жить далеко.

– Солнышко, ты слишком беспокоишься на пустом месте. Правда. Давай расслабимся и посмотрим, как пойдет. Думаю, все будет хорошо. Нед здесь прямо ожил.

Линда взглянула на бокал с шерри, словно впервые его заметила, и сделала глоток.

– Если бы он занимался каким-нибудь командным видом спорта...

– Ты же знаешь, Неда это не интересует, – терпеливо возразил Майкл. – Я пытался заинтересовать его бейсболом и баскетболом, помнишь? Они ему не понравились. У него есть свои увлечения, и пусть он ими занимается. Я не собираюсь становиться придурочным папашей, который заставляет своего сына быть лучшим питчером или квотербеком в округе.

– Нет, нет, мне этого тоже не хотелось бы. – Линда скорчила гримасу, раздосадованная, что она не может понять источник своего беспокойства и даже сформулировать, в чем это беспокойство заключается.

«Может, ничего страшного, – подумала она. – А может, страшно все». Она стареет. Обычный кризис тридцатилетних, о котором пишут в журналах и говорят на ток-шоу. Но в реальности проблемы она не сомневалась. Нед был ее единственным ребенком, и она знала, что других у нее не будет. А очень сложно знать наверняка, что хорошо для твоего ребенка, а что – плохо. Ты надеешься, что, когда ребенок подрастет, будет легче. Но это не так. Становится только хуже и тяжелее.

Она посмотрела на Майкла. Хороший муж, который желает семье только добра. Крепкий и надежный. Она с удо-

вольствием наблюдала, как за годы их совместной жизни из нервного и неловкого юноши он превратился в уверенного в себе мужчину. В преданного мужа и отца. И если иногда он бывал немного самодовольным, если сглаживались острые углы – не так уж это неожиданно, не так ужасно. Это происходит со всеми. Разве нет?

Что касается ее самой, Линда понимала, что не прилагает особенных усилий, не пытается плыть против течения, настоящего или воображаемого. Тело становится дряблым, на лице появляются морщины. В конце концов, она была матерью уже почти десять лет. Материнство меняет не только тело, но и разум. Она осознавала, что читает больше журналов и меньше книг, чем раньше.

Она с удовольствием слушала любую ретро-музыку, хотя раньше предпочитала хорошую классику. И хуже всего, теперь она подчинилась власти телешоу, на которые несколько лет назад и краем глаза бы не взглянула. В периоды особенно мрачного настроения Линде казалось, что она стала частью масштабного процесса обветшания, медленного, но неумолимого ускользания личности.

День за днем
Со всех сторон
Я уплываю в глубь времен.

С другой стороны, Майкла, казалось, подобные мысли никогда не посещали. Он принимал жизнь такой, как она есть,

и получал от нее удовольствие. Счастливчик. Он никогда не испытывал сомнений, и Линда не знала, завидовать ли ему или бояться за него.

Одно дело – их жизнь. Но благополучие Неда гораздо важнее. И Линда намеревалась сделать для него все, что было в ее силах.

Ребенок – это все, что у тебя есть.

Единственный сын.

– Эй, милая, что случилось?

Да, и еще муж. Линда машинально улыбнулась и сделала глоток шерри.

– Сыграем в криббедж? – предложил Майкл.

– Я сегодня не в состоянии сосредоточиться на картах. Ты не обидишься?

Майкл пожал плечами.

– Ладно. Я просто спросил.

– Тебе не кажется, что Нед проводит слишком много времени с теми мужчинами из рыболовной лавки, или что там у них? Я немного беспокоюсь.

– Думаю, ничего страшного, – ответил Майкл, поразмыслив пару секунд. – Я спросил о них нашего соседа Билла Фишера, и он говорит, они вполне безобидные старикашки.

– Вдруг они немного... того? Нед – красивый маленький мальчик, знаешь, и они...

– Не, слушай. Про них никаких слухов не ходит. А они были бы, если бы имелись хоть малейшие подозрения. Ты же

знаешь. Кроме того, Билл говорит, что они живут чуть ли не со времен царя Гороха и никогда никаких проблем.

– Но мне все равно это не нравится, – продолжала настаивать Линда. – Он ходит к ним почти каждый день.

– Получается, у него все-таки *есть* друзья.

– Майкл, они старые портовые крысы, которые живут в настоящей дыре.

Майкл нахмурился и уставился в бокал с виски.

– Тебе не кажется, что это прозвучало слишком грубо и свысока?

Линда отвела взгляд.

– Прости, – сказала она. – Может ты и прав, но речь идет о нашем сыне.

Майкл встал с кресла, чтобы налить себе еще бурбона. Что-то ему подсказывало, что разговор затянется на три или четыре бокала.

– Милая, слушай, дедушка и бабушка Неда живут черт знает где, в Буффало, и он видится с ними только пару раз в году. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он с удовольствием проводит время со стариками. Это вполне естественно и полезно. Расширяет его кругозор. И кроме того, нравятся они тебе или нет, а ты с ними даже не знакома, что ты собираешься делать? Запретишь Неду с ними встречаться и приближаться к их хибаре? И чего ты добьешься?

Линда печально покачала головой.

– Нет, не думаю, что это как-то поможет.

– Конечно, нет. Еще шерри?

– Нет, спасибо.

– Линда, если хочешь, я еще поспрашиваю про этих стариков, а может, и сам с ними познакомлюсь. Но я правда считаю, что нам надо продолжить делать то, что мы и делали. оберегать нашего сына от того, что может ему навредить, но позволить ему расти самостоятельным ребенком.

– Хочешь сказать, что я себя накручиваю?

– Нам это и так известно, дорогая.

Майкл взял в руку пульт от телевизора. Словно рыбак, закидывающий удочку, он поднял руку над головой и опустил, направляя устройство на экран и одновременно нажимая кнопку включения. Он повторил это движения несколько раз, переключая каналы, прежде чем нашел что-то приемлемое.

Бедняжка Лин. Иногда на нее находят подобные настроения. И он не мог никак ей помочь. Оставалось по возможности сохранять спокойствие и рассудок. Он осознавал, что разубедить ее не получится. Надо попробовать помочь ей самой во всем разобраться. Ее можно было понять. Во-первых, переезд в Линнхейвен после многих лет жизни в городе. На то, чтобы привыкнуть, ей потребуется время, но он был уверен, что с этим она справится без проблем. Сам переезд – не ошибка, а то, ради чего они так долго работали. Во-вторых, конечно, ее здоровье – страх не всегда сознательный, может быть, но в то же время очень реальный. Должно быть,

она каждый день думает о том, не повторится ли тот ужасный приступ, который случился у нее пять лет назад. Доктора тогда так и не смогли его объяснить. Линда страдала от астмы с самого детства, и время от времени у нее случались приступы удушья, с которыми помогали справиться ингаляторы. Но тот приступ был таким сильным... К счастью, пока он не повторялся, но сама мысль о том, что такое может произойти еще раз, пугала. Он постарался максимально обезопасить их дом – установил кондиционеры, воздухоочистители, увлажнители и ионизаторы. Этого всего хватило бы, чтобы открыть небольшой магазин бытовой техники. В-третьих, Нед – их единственный ребенок. Если бы они завели еще детей, да хотя бы еще одного, возможно, ее тревожность не была бы такой сконцентрированной. Но доктора запретили ей рожать еще раз. Не самая веселая ситуация, но лучше радоваться ребенку, которого им повезло завести, чем скорбеть по неродившимся.

Майкл был уверен, что все со временем решится само собой. Линнхейвен – чудесный городок, и им достался прекрасный дом. Он мог бы счастливо жить здесь до конца своих дней. У дома был свой характер. Большой и просторный дом-солонка с двумя каминами, участок площадью в добрых четыре акра. Выгодное вложение капитала. Это было грустно, но неизбежно – рано или поздно люди снова откроют для себя Линнхейвен, и цены на недвижимость здесь взлетят до небес. Конечно, Майкл не планировал продавать этот дом,

но приятно было осознавать, что твой дом в ближайшие годы значительно – даже драматически – вырастет в цене. В конце концов, у них все получилось и дела шли хорошо.

Но попробуй убедить в этом Лин.

4. Особенная комната

Это была лучшая комната в доме. Открытый космос и недра Земли, триумф мальчишеского воображения.

Марки, и монеты, и подержанное собрание книжек о бра-
тьях Харди, и крабовые ракушки с остатками слизи, и камни
странного цвета, и высушенные червяки, и желуди, и кашта-
ны, и микроскоп, и телескоп, и саламандра в аквариуме, и
комиксы, и всевозможные карточки, и припрятанная на ка-
кой-то особенный, но пока неизвестный случай петарда, и
резные палочки, и перочинный нож, и непромокаемые спич-
ки, и фляжка, и карманное увеличительное стекло, чтобы
поджаривать жуков, и кроличья лапка, и ракушка с мертвой
улиткой внутри, и...

Это была лучшая комната в любом доме. Это была ком-
ната мальчика. Здесь и только здесь можно было обнаружить
магические силы. Невидимые Гири, которые в определенные
дни утяжеляли руки и ноги, и ты не мог вылезти из постеле-
ли, пока они не решали тебя отпустить. Живой Камушек, ко-
торый каждый раз сдвигался на пару сантиметров. Ночной
Огонь, видный только в зеркале в темноте, когда причесыва-
ешься (тебе известно, что это статическое электричество, но
если это все, что тебе известно, то ты ничего не знаешь).

Это была небольшая узкая комната, и Нед выбрал ее толь-
ко по этой причине. Он понимал, что следить за каждым

квадратным сантиметром – непростая задача, и в большой комнате это было бы невозможно. Кроме того, большая комната кажется пустой и нежилой, как бы ты ее ни обставил. Эта обувная коробка со скошенным потолком казалась ему идеальной.

В некоторой степени замкнутое пространство – это не всегда плохо, поэтому одно окно лучше, чем два. Из него видно: задний двор, газон, который отец Неда должен привести в порядок, будущие клумбы и огород, пара шезлонгов и, чуть поодаль, два величественных клена и несколько берез. За пределами участка Ковингтонов лежал широкий луг, заросший густым кустарником.

На фоне этого непримечательного пейзажа выделялось старое покосившееся пугало, безмолвный и одинокий свидетель лучших времен, когда за лугом кто-то ухаживал. Нед внимательно изучил его сразу после переезда в этот дом. На нем осталось лишь несколько лоскутов истлевшей одежды, но «тело» было крепко врыто в землю, а веревки, связывающие «руки», так натянулись, что у Неда не получилось их развязать.

Если Нед находился в доме, то большую часть времени проводил в своей комнате. Он почти не смотрел телевизор, не считая пары любимых программ, так как сильно от него уставал. И находиться в такой особенной комнате было гораздо интереснее, чем сидеть, уставившись в плоский экран телевизора.

Прежде всего, дело в волшебстве. Не только в Живом Камушке, но и в волшебстве за пределами этого феномена. Невидимом волшебстве. Нед верил в него, хотя не до конца понимал. Для того чтобы его прочувствовать, нужно оказаться в особенном месте. Все остальное – обыденность. Нед уже привык к страху вперемешку с приятным волнением. Когда его родители окончательно решили переехать из Вашингтона, он испугался, что волшебство его комнаты пропадет навсегда. Но в свой первый день в Линнхейвене, выбрав свою комнату, он понял, что все будет хорошо. Может, дело в том, как падает свет, или в местном воздухе, но казалось, комната была наполнена почти осязаемым волшебством. Конечно, «волшебство» – довольно широкий термин, но даже если Нед не мог точно его назвать, он ощущал его присутствие.

– Такое вообще бывает? – спросил он Лузгаря как-то раз.

Старик на мгновение задумался; его лицо приобрело серьезное выражение.

– Думаю, да, – ответил он наконец. – Бывает.

– И что это такое?

– Никто не знает, даже если они пытаются убедить тебя в обратном. – Потом он поднял указательный палец вверх, подчеркивая свою следующую мысль. – Но я точно знаю одно. Это не имеет ничего общего с кроликами из цилиндров или карточными фокусами и прочими подобными трюками.

– Но, если никто не знает, что это такое, и никто этого не видит, откуда ты знаешь, что оно вообще существует?

– Ну и вопросы у тебя, мальчик. Воздух же тоже не видно, но ты знаешь, что он есть. Может и с волшебством точно также, хотя я его давным-давно не ощущал.

– А настоящие волшебники бывают? Люди, которые знают, как его использовать?

– Никогда их не встречал, – фыркнул Лузгарь. – Даже не слышал о таких, только о фокусниках с их трюками. Вот этих ребят кругом полно.

Неда его ответ удовлетворил. Неплохо было бы обладать какими-то знаниями, но что-то ему подсказывало, что это невозможно, и Лузгарь подтвердил его догадку. Волшебство – качество, или состояние, что-то, на что можно не обратить внимание, вроде резкого похолодания или облака пара. Но то, что оно является таким эфемерным, не значит, что нельзя его искать и, возможно, даже найти.

– А всякие там ночные твари, фантомы, существуют, Лузгарь? – Нед знал ответ на этот вопрос, но ему хотелось услышать мнение старика.

– Скажи, что *ты* имеешь в виду, и я отвечу.

– Я не знаю, – сказал Нед. – Их нельзя увидеть, но иногда ночью в темноте можно почувствовать их присутствие. Короче, странные твари, и нельзя вылезать из кровати, а то они нападут.

– Да, кажется, я их помню, – ответил Лузгарь. – Я бы сказал, что они связаны с волшебством.

– А они опасны?

– Не думаю.

– Когда вырастаешь, они исчезают?

– Все исчезает, когда вырастаешь, – проговорил Лузгарь, но, увидев выражение лица Неда, улыбнулся и добавил: – Но появляются другие прекрасные вещи, Недди. Главное их не проморгать.

– А Мутный знает о волшебстве?

– Так же, как и я. Он ничего ни о чем ниоткуда не знает, это факт. Спроси его, он сам тебе скажет.

– Но ты же много чего знаешь.

Лузгарь лишь рассмеялся в ответ.

Неду фантомы были очень хорошо знакомы. Казалось, он знал об их существовании большую часть своей жизни. Конечно, он их не видел, и ему приходилось признать, что он на самом деле не испытывал на себе их прикосновения, но все равно знал, что они существуют. Иногда, когда несколько ночей подряд они не приходили, ему казалось, что он по ним соскучился. Но потом они возвращались, окружали кровать, щекотали нервы и будоражили страхи, и он готов был отдать все на свете, чтобы они исчезли.

Он пытался представить себе, как они выглядят. Двуногие уродливые полулюди с большими невидящими глазами, вылезающие из земляных недр. Отвратительные антропоморфные растения с корнями вместо ног, чья огромная покрытая мхом пасть с громким причмокиванием может поглотить взрослого человека целиком.

Или Песочный Человек, который на самом деле вовсе не человек. Каждое его движение сопровождается ужасным, скрежещущим, зубодробительным звуком, словно кто-то царапает стекло, только в тысячи раз хуже. Или жирный, рыхлый мешок слизи, в который можно засунуть руку, но лучше не надо. Они приходят по одному или толпой, принимая бесчисленные формы и обличия. Невидимые и неосязаемые. Но они приходят, они существуют. Какое-то время назад Нед пытался закрепить их в своем сознании, придать им индивидуальность, снабдить именами. Бронк, Лори, Цулл, Норгуб – все равно, что насаживать снежинку на рыболовный крюк.

Как-то раз, несколько лет назад, сразу после того, как мать вернулась из больницы, Нед спросил родителей о ночных тварях и фантомах. Они сидели за обеденным столом, и отец погонял горошинки по тарелке, прежде чем ответить.

– Они в твоём воображении, вот и все. Люди представляют себе разные вещи, но это не значит, что они реальны.

– Как ночные кошмары, – вторила ему мать Неда. – Ты знаешь, что они бывают очень страшными, но понимаешь, что это лишь сон, и они не могут тебе навредить. Все это в твоей голове.

– Все так, – подтвердил отец Неда.

Нед решил, что некоторые вещи с родителями лучше не обсуждать. Конечно, в них не было ничего постыдного или секретного, просто не имело никакого смысла заводить о них разговор в их присутствии. Волшебства и фантомов для них

не существовало. Неду казалось, что его родители в каком-то смысле даже победили. Они были свободны от страхов, которые приходили вместе с темнотой. Но если это и была победа, то она скорее заключалась в сохранении нейтралитета, и поэтому не казалась Неду чем-то привлекательным.

Ему по-прежнему было страшно вспоминать то, что произошло с его матерью тогда, пять лет назад. Несмотря на его худшие страхи, она вернулась, и жизнь шла своим чередом. Но даже если у врачей имелось для этого название, даже если его родителям казалось, что они знают, что это было, Нед был уверен, что только он понимает, что на самом деле произошло той ночью. Пришел фантом. И разбудил черную магию ночного мира. От этого понимания ему лучше не становилось, а его родителям не вредило незнание. В любом случае, люди были не властны над всем этим. Если такое снова произойдет, Нед знал: никакие лекарства или приборы не помогут. Оставалось жить с этим, или... или что? Но никто не мог этого избежать.

Однажды ночью, после того дня, когда они с Лузгарем ловили раков, Нед заснул рано. В Вашингтоне он обычно долго не мог уснуть и читал при свете фонарика или представлял себе источники звуков за окном. Но в Линнхейвене, возможно, из-за морского воздуха или из-за насыщенного дня, он все чаще и чаще засыпал, как только становилось темно.

Но кое-что не меняется. Ночные создания.

Нед открыл глаза. Комната казалась наполненной блед-

ным лунным светом.

Его внезапно пробудившемуся сознанию было не за что зацепиться, ни грохочущих грузовиков, ни автомобильных гудков за окном. Ничего, кроме тишины лунной ночной. Дом стоял далеко от моря, и до него не долетал шум волн или звон колокола на бугре.

Этот свет.

Никогда раньше Нед его не видел. Он вообще никогда ничего не видел, сколько бы раз ни просыпался посреди ночи. Теперь он видел свет, прозрачный, бледный, делавший комнату похожей на аквариум.

Существовал мизерный шанс проснуться с открытыми глазами, когда голова не под одеялом. Тогда надо сразу укрыться с головой. Стоит замешкаться – и наступает паралич. Остается надеяться на то, что выдержишь.

Нед лежал в кровати, как тряпичная кукла, с широко открытыми глазами и обмякшим телом. Что это за свет? Он почти мог различить очертания предметов в комнате. Они были лишь размытыми фигурами на границе его сонного поля зрения. Но сознание было в состоянии понять, что этот призрачный свет уникален. Он смог слегка потрясти головой, но свет не исчез, рассеянный, но настойчивый, словно след от вспышки фотоаппарата.

– Что это?

Нед понял, что это его собственный голос, хотя он звучал тихо и размыто, словно эхо со дна очень глубокого колодца.

Через секунду он начал сомневаться, что это сказал именно он.

– Что это?

Теперь громкий голос так близко напугал Неда. Он часто заморгал в надежде на то, что это движение вернет его в знакомую темноту. Но нет, свет никуда не делся. Он был настоящим, а вовсе не сном или побочным оптическим эффектом быстрого пробуждения. Он представлял себе сотни, тысячи различных созданий, но даже помыслить не мог о таком леденящем, рассеянном свечении.

Этого не может быть.

Комнаты так себя не ведут. Комнаты вообще никак себя не ведут. Комнаты – это просто... комнаты.

Этого не может быть, но...

Нед внезапно осознал, что ему не страшно. Он не испытывал страха, несмотря на то, что просто лежал там, абсолютно незащищенный и беспомощный. А все потому, что он мог видеть что-то, что бы это ни было. Он находился в комнате, полной различных вещей, но не чувствовал опасности, а лишь замешательство.

– Что это?

Ничего.

– Кто здесь?

Ничего.

– Что вам нужно?

Ничего, ничего, ничего. Нед подумал, что его родители,

по сути, оказались правы. Все это, на самом деле, ничто.

Ничего.

Может, он просто глупый мальчишка, населивший свое воображение глупыми созданиями, не имеющими никакого отношения к реальности? Может, фантомы – всего лишь фантомы его сознания? Нед зажмурился и какое-то время отсчитывал секунды в уме. Потом снова открыл глаза.

Все еще свет.

Теперь страх. Возможно, он ошибался, сильно ошибался. Недооценивал происходящее, думал, ничего особенного, но на самом деле это было что-то большее, настолько значительное, что он не в состоянии это понять. Нед задрожал всем телом.

– Есть тут кто?

Его голос прозвучал обреченно, и он возненавидел его, как только услышал.

Потом свет внезапно пропал. Он не потух медленно, не исчез постепенно. Вот он был, а в следующую секунду исчез. Это даже больше расстроило Неда, потому что он увидел какое-то ужасное подтверждение своих страхов. То, что он видел, вовсе не было ничем. В этот раз он не пострадал, но какая разница? В его мир было совершено вторжение. Он видел свет, не похожий ни на один свет на земле. И этот свет окружил его, но не поглотил.

Пока не поглотил.

5. Сказки Олд-Вудс

- Мутный?
- Ась?
- Есть такое имя – Обловщик?
- Конечно, есть.
- Правда? И что оно означает?

Мутный восседал на своем ящике рядом с кучей покрышек. Он пытался починить найденные где-то электронные часы. Часы были подключены к удлинителю, другой конец которого скрывался в рыболовной лавке. Секундная стрелка крутилась, но минутная и часовая застыли на десяти минутах третьего. Мутный отложил упрямый прибор в сторону и посмотрел на Неда.

- Зачем тебе это знать?
- Просто я никогда раньше не слышал такого имени.
- Ты никогда его не слышал, но хочешь знать, что оно означает?
- Ну, Лузгарь как-то раз его упомянул.
- Лузгарь, значит, упомянул. – Мутный снова принялся за часы. Сломанные стрелки двигались под пальцами, но сами по себе работать отказывались. – Конечно, Лузгарь упомянул, потому что он сам и есть обловщик.
- Правда?
- А то!

– А что это – «обловщик»?

– Что такое «обловщик»? Головастик, ты правда ничего не знаешь?

– Не-а.

Мутный снова отложил часы. Его лицо приняло выражение, как будто ему приходится объяснять, сколько будет два плюс два. Вообще-то, он был рад отвлечься, так как понимал, что с чертовыми часами у него ничего не получается.

– Обловщик – это человек, который облавливают. Ну то есть бродит по болотам и ручьям и ловит, что под руку подвернется. Например, раков...

– Мы ловили раков с Лузгарем.

– Видишь? Ты облавливал, но не знал об этом.

– Что еще он ловит?

– Да что угодно. Раков, сома, ондатру, норку, да любую тварь, которую можно поймать в капкан или на крючок или просто стукнуть по голове. Ныряет за крабами или ловит угрей на удочку, и все в таком духе. А еще кармановую черепаху выманивает, этим обловщик тоже иногда занимается.

– Кармановую?

Мутный энергично закивал.

– Их здесь полно. Но чтобы их выманить, нужно спеть и станцевать особым образом. Она высунет голову, и сразу хватай, но осторожно, чтобы она тебя не укусила. Большая кармановая черепаха легко откусит твой маленький пальчик.

– Так ты про каймановую черепаху.

– Верно, кармановую.

Мутный нерешительно потыкал часы пальцем, словно опасаясь, что прибор набросится на него.

– А ты сам обловщик, Мутный?

– Я занимаюсь этим по выходным, как Бабушка Мозес⁴. Я обловщик на полставки, ловлю живность, когда больше нечем заняться. А у Лузгаря ловля в крови. Настоящий обловщик.

– Лузгарь, конечно, много пива пьет. – Нед сам не понял, зачем сменил тему. Наверное, привычка Лузгаря передалась и ему.

– Он любит пиво, – согласился Мутный.

– Но ты его не пьешь, ведь так?

Чернокожий старик возмущенно взглянул на него и пробормотал:

– О Боже, нет, нет, я совсем не пью, нет, больше нет.

Он взял часы в руки и принялся их изучать, словно это был примечательный артефакт инопланетной цивилизации.

– Почему?

– Что почему?

– Тебе не нравится пиво и все?

Мутный снова обратил внимание на мальчика.

– Даже не начинай, Головастик. В прошлом я постоянно

---

⁴ *Бабушка Мозес*, настоящее имя Анна Мэри Мозес (1860–1961) – американская художница-любительница, представительница живописного примитивизма. Рисовавшая как любитель почти всю жизнь, она работала экономкой и обрела известность уже в преклонном возрасте.

пил. Нравилось ли мне пиво? Я его обожал. Выпивал при любой возможности. Когда ты молод, то тебе кажется, что можно делать все, что угодно, и не думать о последствиях. Но был у меня один друг, Юстас Боггз. Но все называли его Жалким. Правда. Жалкий Боггз. И однажды с ним произошел несчастный случай. Не помню точно, что случилось, но старина Жалкий потерял обе ноги и не мог больше ходить. И он стал по-настоящему жалким. Не покидал своего дома, большую часть времени проводил в кровати. А жена у него была та еще мегера. Мэрилу Боггз. От ее воплей у них дома обои в трубочку скручивались. Она все не унималась: Жалкий то, Жалкий это. А бедняга Жалкий был вынужден все это выслушивать. Не знаю почему, но мне нравился этот неудачник. Мы с ним давно были знакомы. Поэтому я часто приходил к нему, приносил газету, рассказывал последние новости, анекдоты, всякие сплетни. Другим было на него плевать, так что только я связывал его с миром снаружи. И у нас был небольшой секрет. Каждый раз я приносил ему бутылку виски, завернутую в газету, чтобы Мэрилу не видела, и Жалкий мне за нее платил. Иногда он давал мне десятку, иногда двадцатку, и сдачу не требовал. Нас обоих эта сделка устраивала. Ему досталась куча денег в качестве компенсации за несчастный случай, так что он их не считал. Сначала мне эта идея не очень понравилась, и я спросил у него: «Жалкий, разве врач не запретил тебе пить алкоголь?» А он ответил: «Ничего подобного мне врач не говорил. Мне жена

запрещает пить, но она же не врач». Так что это Мэрилу не хотела, чтобы он пил. Но что еще ему оставалось? Без ног он не мог никуда пойти. Вот я и помогал ему. Не знаю, что он делал со всем этим виски, может, цветы поливал, но я ему доставлял новую бутылку каждый божий день. Только представь. У нас была налаженная схема. Но потом все прекратилось.

– Почему?

– Он умер, черт возьми. Свалился с кровати прямо на пол, и лежал там, мертвый, с бутылкой виски в руке. Мне рассказывали, что он ни капли не пролил. Может, доктор кому проболтался... но я слышал, что печень его была размером с баскетбольный мяч. Вот тогда я и бросил пить, раз и навсегда.

– Ого, с баскетбольный мяч!

Мутный рассмеялся:

– Да, это наверняка его убило, а я выучил свой урок. Я никогда в жизни столько не зарабатывал и своими руками убил гуся, несущего золотые яйца. Если б я мог вернуться назад, то уговорил бы Жалкого пить поменьше, чтобы мы оба могли получать удовольствие от ситуации чуть-чуть подольше. Но есть кое-что, что я так и не узнал.

– Что?

– Куда он девал пустые бутылки? Каждый день я приносил ему новую, но он никогда не возвращал мне пустую тару. Не знаю, что он с ними делал. Может, Мэрилу ему помогала...

Может, она не такая уж и плохая...

– Сколько ему было? – спросил Нед.

– Совсем молодой, лет сорок или пятьдесят.

– Он жил в Линнхейвене?

– Да, в Олд-Вудс.

– Рядом с ручьем, в котором мы с Лузгарем ловили раков?

– Да, в той стороне. Все, что там есть – это Олд-Вудс, Головастик. Там и жил Жалкий, до тех пор, пока не покинул этот мир. Говорят, что он был из болотных, но это не так.

– Кто такие болотные?

– Люди, которые живут глубоко в болотах, за Олд-Вудс. Туда никто не ходит, но там живет несколько человек. По крайней мере, раньше жили. И они очень опасные. Перережут тебе глотку и приготовят на ужин, или что похуже. Я точно не знаю, но скажу тебе одно: никто туда на пикник не ходит. Жалкий всегда казался мне нормальным, но говорят, что у него в жилах текла болотная кровь. Не знаю, мне кажется, он был обычным рыбаком. Он...

– Они там людей убивали? – Теперь Неда больше интересовали болотные, чем Жалкий Боггз. – И сейчас? Они убивают людей?

Мутный рассмеялся.

– Спорю, если ты отправишься на другую сторону Олд-Вудс, то увидишь, что болота давно осушили, и теперь кучка белых играет на них в гольф и попивает коктейли. Я так думаю. Нет уже никаких болот и болотных. Они давно ушли

в мир иной.

– Правда? – Разочарование Неда было очевидным.

Пока мальчик рисовал в своем воображении ужасных болотных и их кошмарные деяния, Мутный встал, положил часы на землю и растоптал их. Хорошего понемножку.

– С другой стороны, – обратился он к Неду, – я бы не ходил шарахаться по другой стороне Олд-Вудс. Вдруг я ошибаюсь, ну знаешь, и болотные там все еще бродят...

6. Дом Фэрли (1)

«И какая цель у этого небольшого похода», – задавался вопросом Майкл, шагая вниз по улице. Успокоить Линду. Надо убедиться, что все в порядке, вот и все. Кроме того, не повредит познакомиться со стариками, которые подружились с его сыном. Вообще, это очень даже неплохая идея. Конечно, он не ожидал ничего особенного от встречи. Майкл был уверен, что он найдет подтверждение тому, что и так знал, а именно – что эти двое совершенно безобидные старики, которые развлекают Неда рассказами о рыбалке и сельской жизни. Скорее всего, их болтовня больше никого не интересует.

Майкла это вполне устраивало. Со временем, когда начнутся занятия в школе, у Неда появятся друзья одного с ним возраста, и он потеряет интерес к старикам. Линда всегда пыталась контролировать Неда, направить его по нужному ей пути, но Майкл знал, что с этим легко переусердствовать. Поэтому от него требовалось сохранить идеальный баланс. Важно было помнить, что Нед совсем недавно оказался в совершенно новой для себя среде, полностью отличавшейся от той, к которой мальчик привык за первые девять с половиной лет своей жизни. Майкл и Линда старались помочь ему адаптироваться, и он неплохо справлялся, но нельзя было слишком его контролировать. Пускай Нед самостоятельно

привыкнет к новому окружению, в удобном ему темпе. Первые недели и месяцы могут оказаться трудными для мальчика, поэтому они должны обеспечить его любовью и поддержкой, но слишком сильная родительская опека только навредит. Майкл был уверен, что Линда все это понимала, но с трудом могла себя сдерживать.

Очень жаль, потому что они могли бы получать максимум от своей новой жизни. Майкл усердно работал и терпеливо ждал того дня, когда сможет купить хороший дом с участком приличного размера, и теперь, когда он и его семья наконец достигли этой цели, он намеревался наслаждаться каждой секундой своей жизни. И в его планы не входило лишать себя этого опыта, и в любом случае он был уверен, что так будет лучше для всех. Майкл и Линда были женаты достаточно давно, и он понимал, что Линде потребуется больше времени, чем Неду, на то, чтобы привыкнуть к новому месту и расслабиться. Нет смысла ее торопить, но если она увидит, что ее муж и сын здесь счастливы, то успокоится сама.

Что касается Неда, казалось, что он не испытывал никаких проблем. Иногда он смотрел каким-то отсутствующим взглядом, но надо было признать, что в этом не было ничего нового. Нед всегда был мечтательным мальчиком. Конечно, у него не могло не быть каких-то внутренних переживаний и неуверенности, но ничего серьезного. Нед хорошо реагировал на новый дом и новый город. Майкл мысленно повторил одну из своих любимых сентенций: «Дети сильны духом, это

взрослым нужна помощь».

Существовало еще кое-что, с чем Линда не могла никак смириться. Нед был из тех детей, которые предпочитали держать свои переживания при себе. Он был смышленным, но тихим, а не шумным или активным. Возможно, в будущем его ждут трудности с обретением социальных навыков, ну и что? Майкл всегда знал, что Нед – скорее одиночка, и это его радовало. Если все будет идти своим чередом, то он вырастет в сильного, хладнокровного мужчину. «Работа госслужащим помогает особенно ценить эти качества, потому что именно их и лишает», – с горечью подумал Майкл. Иногда его раздражало то, что приходится раз за разом объяснять жене очевидные вещи, но он понимал, в чем проблема. Ее хрупкое из-за астмы здоровье, а также тот факт, что других детей у них не будет, вкупе стали причиной страха, что Нед был каким-то особенно уязвимым. Поэтому она хотела, чтобы он был максимально здоровым и активным, что в принципе неплохо. Но она постоянно настаивала на том, чтобы он занимался каким-нибудь видом спорта, а Неда спорт совершенно не интересовал.

– Ты хочешь, чтобы он был Тедди Рузвельтом, – однажды в шутку сказал жене Майкл. – Позволь ему оставаться самим собой.

Линда обиженно взглянула на него, и он понял, что совершил ошибку, и с тех пор не ограничивал жену в изъяснении ее обеспокоенности о том, что Нед не занимается спортом.

Но сам он не поддерживал ее начинания, убеждая себя, что если воздержится от обсуждения, то сохранит необходимый баланс.

Майкл понял, что шел слишком долго и свернул куда-то не туда, потому что уже приближался к центру города. Как можно заблудиться в таком маленьком городке? Он повернул назад и через несколько минут нашел нужную тупиковую улицу.

Впервые Майкл смог вблизи рассмотреть место, которое пользовалось популярностью у его сына. Что можно ожидать от рыболовной лавки? Это грубое строение прекрасно ей подходило. За сараем он видел маленькую, покосившуюся хибару – там, наверное, живут эти старики. Он продолжил изучать обстановку: небольшая грядка, старая машина, на которой, казалось, никто никогда не ездил, куча старых покрышек, снасти для ловли крабов и прочий хлам. Да, подобное место вызовет беспокойство у любой матери. Но на мальчишеский взгляд это все потрясающе, да и даже отца-бухгалтера оно совсем не отталкивало.

– Есть кто? – крикнул Майкл, опасаясь, что выбрал неудачное время для своего визита. Казалось, здесь никого не было.

Через секунду из сарая вышел Лузгарь. Он сразу понял, что этот мужчина в городской одежде пришел сюда не за рыбьими глазами.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– О, привет. Меня зовут Майкл Ковингтон. Я отец Неда.

– Вот как? Рад с вами познакомиться, мистер Ковингтон, искренне рад. Как вы?

– Хорошо, спасибо, – ответил Майкл, отметив про себя дружелюбную улыбку и крепкое рукопожатие мужчины. Ничего настораживающего. – Приятно познакомиться. Как я понимаю, Нед часто здесь бывает. Он все время о вас говорит, так что я подумал, что неплохо бы зайти поздороваться.

– Очень рад. Очень рад. У вас чудесный сын. Ужасно чудесный.

Майкл кивнул.

– Он хороший малыш. Надеюсь, он не путается у вас под ногами и не мешает вам работать.

– Ни капельки. Нед приходит почти каждый день, и мы всегда ему рады. Внимательный и вежливый мальчик. Наверное, благодаря воспитанию.

– Спасибо. Рад слышать.

– Конечно, задает миллион вопросов, но это нормально для ребенка его возраста, ведь так?

– Да. – Майкл почувствовал, что его зацепило, словно рыболовным крючком: сколько вопросов Нед задает собственному отцу? Не очень много... Что ж, рыбаки склонны к преувеличениям.

– Он никоим образом ничем нам не мешает, – уверил его Лузгарь.

– Я рад, – сказал Майкл, мысленно отметив тройное от-

рицание в реплике собеседника. – Как понимаю, вы торгуете приманкой.

– Да, продаем приманку. Рыбачим понемногу, ловим крабов. Чиним кое-что.

– Правда? – Майкл постарался изобразить восхищение.

– Да, всегда есть чем заняться, – сказал Лузгарь. – Не одно, так другое. Без конца.

– Похоже, вы мастер на все руки.

– Наверное, можно и так сказать. – Лузгарь услышал нотки снисходительности в его голосе, но это его не особо волновало. – А вы работаете в Вашингтоне, верно? – Он тоже умел сменить тон.

– Да, это так.

– Но вы не политикой занимаетесь?

– Нет, – улыбнулся Майкл. – Всего лишь бухгалтер.

– Хорошо. Не люблю политиков.

– А кто их любит?

– Напоминают мне дождевых червей, копошащихся на дне консервной банки. Слизкая масса. Вам так не кажется?

Майкл рассмеялся:

– Иногда.

– Значит, вы купили дом Фэрли.

– Дом Фэрли? – Майкл выглядел озадаченным. – Мы купили коттедж на Честнат-Стрит.

– Это он и есть.

– Но мы купили его у семьи Уинслоу, супружеской пары

пенсионеров, которые переехали во Флориду.

– Да, Уинслоу жили там несколько лет, – сказал Лузгарь. – А до них Петиты. Но когда-то давно этот дом принадлежал Фэрли. Мне кажется, именно эта семья его и построила.

– Правда? Я не знаком с историей дома, – с неподдельным интересом сказал Майкл, – но меня уверяли, что он не очень старый.

– Так и есть.

– Вернее, ему около восьмидесяти или девяноста лет, но он не такой старый, как остальные коттеджи.

– Но вам он нравится?

– Да, очень. Конечно, он нуждается в ремонте. Знаете, как говорят: единственное, что работает в старом доме – это вы сами. Но в целом он в хорошем состоянии, и мы очень счастливы, что нашли его.

– Чудесно, – сказал Лузгарь с нотками сомнения в голосе.

– Значит, так все зовут наш коттедж? Дом Фэрли?

Лузгарь кивнул.

– Почему? – спросил Майкл.

– Не знаю, – ответил Лузгарь. – Может, по привычке.

Они поговорили еще несколько минут, но скорее по инерции. Было ясно, что им нечего сказать друг другу. Майкл просто проверял взрослого друга своего сына. При других обстоятельствах с этим мужчиной он бы вряд ли заговорил. Лузгарь это отлично понимал и подыгрывал своему собеседнику. Главное – не сказать что-нибудь шокирующее. Нельзя

дать Майклу Ковингтону повод запрещать сыну приходить сюда.

— Где ваш партнер? — спросил Майкл, уже собираясь уходить.

— Мутный? Думаю, он в городе. Он там живет и у него там есть дела.

— Ясно. — Майкл сразу же почувствовал облегчение.

— Он не все время здесь проводит, — продолжил Лузгарь. — Мутный — мой напарник на полставки. Время от времени он мне помогает, но у него есть и другая работа.

— Жаль, что я его не застал. Но уверен, мы еще встретимся.

— Конечно.

Майкл ушел довольный тем, что теперь сможет успокоить Линду рассказом об этой встрече со стариком. Лузгарь и Мутный. Она будет рада узнать, что они не живут вместе в этой крошечной хибаре. Что еще можно о них сказать? Странные имена, колоритные метафоры и несколько грамматических неточностей. Ничего, что могло бы вызвать беспокойство. В школе Нед наверняка слышал вещи и похуже. Майкл чуть не рассмеялся — эти старики получали удовольствие, играя свои роли.

Лузгарь вернулся в сарай, выловил банку пива из ванны и сел в свое любимое разваливающееся кресло. Он не пригласил отца Неда зайти внутрь и выпить, потому что не собирался пить с налоговиком, даже если он пришел сюда из веж-

ливости (забавно, что он не назвал своего работодателя!). Но Лузгарь вынужден был признать, что Майкл Ковингтон относительно неплохой человек. Немного лучше, чем он ожидал. Возможно, он хорошо справляется со своей работой, но в целом бесполезен. Типичный житель большого города, который навсегда таким и останется, как бы он ни старался обосноваться здесь. Но в целом неплохой человек. И самое главное – он не возражает против общения Неда с Лузгарем и Мутным. Может, я и выживший из ума старик, но чуйка у меня хорошая, и прямо сейчас она говорит мне, что скоро случится нечто важное, какая-то перемена, и просто необходимо держать этого мальчика рядом.

В противном случае...

7. В развалинах

...Грядет смерть.

Нед не чувствовал ничего странного, но у него не было никаких сомнений. Он прошел вдоль старой железной дороги, потом поднялся на холм и очутился в этом мрачном месте. Он уже разведаль раньше этот обходной путь, и решил воспользоваться им, чтобы подойти с тыла. Холм был пологим, но на нем густо рос кустарник, поэтому подъем занимал много времени, а деревья постоянно закрывали обзор, и он с трудом мог понять, насколько отклонился от прямого пути. Нед начал свою экспедицию сразу после обеда, теперь приближался вечер, а он успел дойти только до полусгнившей стены. Она была сложена из серо-коричневых кирпичей и достигала трех метров в высоту. Стена простиралась направо и налево, и Нед не видел, где она заканчивается. Даже в такой жаркий день кирпичи были холодными и влажными наощупь.

Какое-то время он шел вдоль стены и дошел до угла. За ним Нед увидел упавшее дерево; верхушка лежала на стене. «Наверное, повалило штормом», – подумал мальчик. Он решил, что лучшего способа попасть на территорию у него не будет. Ствол дерева был оплетен растениями-паразитами, похожими на вздувшиеся вены, и Нед с трудом мог найти точки опоры. Кроссовки скользили по вязкой разлагающейся-

ся массе, но в конце концов у него получилось подтянуться на ствол дерева. Он почти добрался до верха стены и протянул руку, чтобы за него ухватиться, но начал соскальзывать вниз по стволу. Ему удалось уцепиться за стебель одного из растений-паразитов, толщиной с бычий хлыст. Он оказался в неудобном положении – для того, чтобы удержаться на дереве, ему нужны обе руки и ноги. И как тогда попасть на стену, которая находился всего в метре от него? Так близко, но, как оказалось, слишком далеко. Нед посмотрел вниз и с тревогой заметил, что расстояние в три метра сверху кажется гораздо значительнее, чем снизу. Может, лучше сползти по стволу вниз, двигаясь по паре сантиметров за раз. Но когда Нед попробовал это сделать, то на своей шкуре испытал принцип многих ловушек. Маленькие засранцы обвивали ствол по всей длине и росли вверх, поэтому было невозможно спускаться против их роста. Он не видел и не мог нащупать точку опоры. Нед чувствовал себя глупым котенком, который из любопытства залез на дерево и застрял на нем. Только вот никакой пожарный на помощь не придет.

Он еще раз посмотрел на стену. Может, до нее меньше метра. Кроме того, другого выхода у него не было. Нед прополз еще немного повыше, сократив расстояние до стены. Дальше подниматься было опасно из-за сухих веток и скользких стеблей. Нед знал, что этого делать не следует, но все равно посмотрел вниз. Казалось, до земли было пять или шесть метров, но этого не могло быть. Воображение играет

с ним злую шутку. Но в любом случае, если он упадет вниз, то сломает пару костей. Лучше об этом не думать.

От него требовалось следующее: одним точным движением ухватиться за край стены и подтянуться на нее. Самое опасное произойдет, когда он перекинет одну руку на стену. Тогда ему придется держаться за ствол только одной рукой и носками кроссовок, упирающимися в скользкие стебли. В любом случае, Неду предстояло узнать, насколько сильная у него хватка.

Он чуть не упал. В первый раз его пальцы соскользнули по поверхности стены, и он снова вцепился в ствол. На какое-то время Нед замер, приходя в себя от шока. По какой-то причине он упустил из виду тот момент, что сама стена может оказаться ненадежной. Значит, его первоначальные расчеты могли оказаться неверны. Вопрос: что бы сделал Кен Холт⁵, мальчик-детектив, если бы оказался в подобной ситуации? Ответ: попробовал бы еще раз.

Нед так и сделал. На этот раз у него получилось ухватиться за кирпичи. Необработанная поверхность врезалась в кожу предплечья. Нед пожалел, что не надел футболку с длинными рукавами. Не дав себе времени на передышку, мальчик отпустил дерево. Он изогнулся, оттолкнулся ногами от ствола и спустя несколько секунд уже лежал лицом вниз на стене. «Получилось немного неуклюже, – подумал он, – но

---

⁵ *Кен Холт* — главный герой серии детских детективных романов, написанных Сэмом и Берил Эпштейн под псевдонимом Брюс Кэмпбелл.

какая разница?» У него было чувство, словно он только что покорил Эверест. Какое-то время он лежал не двигаясь и наслаждался этим ощущением.

Когда Нед наконец огляделся, то от того, что он увидел, у него перехватило дыхание. Старый спа-отель находился в лощине на вершине холма. Со своего места на стене мальчик видел всю территорию, располагавшуюся на пологом склоне. Главный корпус отеля, гротескное здание с башенками, разделенное на два флигеля, располагался в нескольких сотнях метров от Неда и чем-то напоминал полуразрушенный замок несчастного поверженного принца. Пространство между стеной и зданием было заполнено густыми зарослями, которые испещряла удивительная сеть низкой изгороди. Она была похожа на пчелиный улей или лабиринт, но, присмотревшись внимательнее, Нед смог различить продуманный узор. Здесь изгородь образовывала равнобедренный треугольник, там круг, а еще чуть подальше – прямоугольник. Неду виделись и другие геометрические фигуры, но из-за зарослей он не мог определить их наверняка. Впрочем, было ясно, что непрерывный сложный узор изгороди доходил до внешней стены и до главного здания. Эта панорама вызывала в воображении Неда образы из древней истории или забытых легенд – небольшой средневековый городок и королевский дворец, а может, древняя крепость инков и священный храм. Когда-то здесь обитали странные люди, а может, и необыкновенные создания, у которых не было названий. Теперь ни-

чего не осталось, все умерло. *Грядет смерть*. Даже со своего места на стене Нед мог чувствовать особое послесвечение, излучение смерти, которое так долго не пропадает.

Но его это не волновало. Нед чувствовал, что только что ступил на новый континент, и буквально дрожал от волнения. Реальность превзошла все его ожидания. За стеной его ждали не просто руины, а огромная тайна, и он был готов принять вызов.

Недалеко от того места, где он сидел, располагалась еще одна стена, с которой открывался доступ к внутренней территории. Когда Нед до нее добрался, то обнаружил, что она была всего два с половиной метра в высоту. Если соблюдать осторожность, то по стене можно обойти и как следует рассмотреть всю территорию, а потом найти удобное место для спуска.

Первые несколько акров, изученных Недом, к его разочарованию, оказались слишком однообразными: колючие сорняки с человека высотой. Они росли так густо, что приходилось как следует всматриваться, чтобы различить землю у основания стены. Сорняки, окруженные изгородью, напоминали огромную миску с салатом, и Нед никак не мог понять, с какой целью изгороди были выстроены таким образом. Однако он заметил, что в каждой из внутренних стен находилась дверь или арка. На некоторых из этих проходов даже сохранились оригинальные двери – выцветшие тяжелые деревянные доски. Между изгородями не было прохо-

дов, одно пространство переходило в другое, и таким образом все они соединялись друг с другом. Планировка довольно проста, подумал Нед, но для того, чтобы не заблудиться, потребуется карта, особенно, если нужно попасть из главного здания в этот закуток в форме полумесяца, куда сможет поместиться только пара человек. Зачем надо было проектировать такое крохотное пространство, и вообще какой смысл во всех этих изгородях? Нед продолжал обходить территорию, но чем больше он видел, тем меньше понимал. Лузгарь и Мутный говорили, что люди приезжали в спа, чтобы поправить свое здоровье. Но это место совсем не походило на больницу.

И здесь кто-то жил. Стоило Неду отойти от внешней стены, как он услышал звуки – шевеление, шуршание за спиной, удаляющиеся шаги. Время от времени он резко оборачивался, и в его поле зрения попадала еще качающаяся ветка или какой-то силуэт среди травы. Сперва Нед не придавал этому значения. «Просто животные», – сказал он себе. Но его сознание рисовало пугающие картины и в конце концов он замер, прислушиваясь. А вдруг в этих заброшенных развалинах прячутся болотные? Он огляделся. Внешняя стена уже была опасно далеко. Нед оказался практически посреди территории. Он продолжил свой путь к главному зданию. Ему казалось, что вот-вот толпа уродливых дикарей выскочит из зарослей и утащит его со стены. «Не думай об этом. Просто поскорее закончи, что задумал, а потом вали. В про-

тивном случае...»

Нед добрался до круга и остановился. Он оказался гораздо больше, чем казалось с внешней стены. Это была самая большая фигура, которую он здесь видел. Но остановился он не по этой причине. Земля здесь была покрыта той же самой темно-зеленой растительностью, но в самом центре находился второй круг, около трех метров в диаметре. Он не мог видеть землю, но то, что в центре ничего не растет, было заметно. Таким образом, круглая изгородь напоминала огромный венок. Но в этой загадке было еще что-то жуткое. Прямо из центра круга доносился глубокий хлюпающий звук, словно в этом месте находился гигантский причмокивающий рот... Над растительностью в воздух поднималась дымка. Нед смог заметить ее, только когда дошел до круга – гигантское невидимое отверстие исторгало столб белого пара... Нед представил себе мифического людоеда, монстра, сокрытого под землей, оказавшегося в плену окружающих его стен, запустевшего в густой растительности. Только его дыхание было заметно глазу. И он ждет, когда сможет вырваться на свободу и станет наводить ужас на окрестные земли... Нед был рад, что не было видно самый центр, и поспешил прочь, тихо-тихо, стараясь не разбудить великана.

По мере приближения к главному зданию он заметил перемену в ландшафте. Растительность внутри секторов стала менее густой и иногда состояла только из травы и нескольких кустиков ежевики. Теперь Нед понял, из-за чего в этом ди-

ком саду ему было не по себе. У всей здешней растительности был какой-то не такой цвет. Зеленый с голубоватым оттенком. Сначала Нед подумал, что его зрение его обманывает или что все дело в тонких солнечных лучах, падавших на листья. Но чем больше он вглядывался в пейзаж, тем сильнее убеждался, что растения были отравлены каким-то ядом, но не погибли, а стали ядовитыми.

В тени особняка Нед заметил остатки нескольких небольших зданий – окон, дверей и крыш у них не осталось. Возможно, когда-то это были коттеджи, купальни и раздевалки. От оранжереи остался лишь погнутый шаткий скелет. Внутренняя ограда заканчивалась на этом месте, примерно в сорока метрах от главного здания. Она загибалась направо и налево и соединялась с внешними стенами на краю каждого флигеля. На площадке перед зданием располагались широкие каменные ступени, ведущие на террасу, и высокие заколоченные двери спа-отеля. На балюстраде стояло несколько больших каменных ваз. Окна нижних этажей закрывали листы ржавого железа, а верхние зияли пустотой глазниц, но добраться до них было невозможно.

«Возможно, у меня так и не получится попасть внутрь, – подумал Нед, – но, может, оно и к лучшему». Здание выглядело негостеприимно, и мальчик представлял себе отвратительных тварей, скрывавшихся в темных углах – полчища крыс, пауков размером с ладонь взрослого человека, змеиные гнезда за потайными дверями и кровососущих летучих

мышей...

Он остался на стене и решил дойти по ней до левого флигеля. Нед оглянулся и оценил путь, который прошел. Он испытывал одновременно волнение и чувство облегчения, словно человек, который только что прошел на цыпочках по краю бездны. Теперь оставалось слезть со стены и направиться домой.

Но потом Нед заметил, что все-таки есть возможность попасть внутрь отеля. Последнее окно правого флигеля находилось всего в полуметре от места соединения внутренней ограды и стены, и примерно на одном с ней уровне. Железный лист прилегал неплотно и слегка отгибался с одного края. Если бы для того, чтобы попасть внутрь, требовалось перепрыгнуть со стены на оконную раму, то Нед решил бы, что это слишком рискованно — окно находилось в трех метрах от земли. Но на окнах обоих флигелей была небольшая чугунная решетка, за которую можно ухватиться.

Нед знал, что уже поздно и разумно было бы пойти домой, чтобы успеть до ужина. Он разведal путь и сможет вернуться сюда в любое время, хоть завтра, и продолжить исследовать отель. Да, это было бы разумно.

Но... он уже здесь, и было бы глупо поворачивать назад на последнем этапе своей экспедиции. Если он сейчас уйдет, то всю ночь будет думать о том, что упустил. Лист гофрированного железа тускло поблескивал на солнце, так близко — и казался скорее приглашением, чем преградой. Как просто

будет его отогнать и оказаться внутри, в самом сердце крепости, в командном пункте мертвого отеля. В центре всего. Полуразрушенные стены снаружи представляли собой потрясающее зрелище, но кто знает, что его ждет внутри? Что, если там находится ржавое оборудование лаборатории Франкенштейна или шкаф, полный костей и черепов? Страшно, конечно, но это единственный способ узнать об отеле и, может быть, что-то о том, что там происходило. Страшно, но заманчиво. Нет, конечно, он не мог сейчас уйти. Возможно, ему не хватит времени обойти весь отель или даже этот флигель, но он сможет заглянуть в пару комнат и потом вернуться домой и застать еще не до конца остывший ужин. И он пошел вперед.

Затем последовала гораздо более опасная версия трюка, который он проделал на внешней стене. Как только Нед схватился за решетку, один ее конец полностью вырвался из слабого, раскрошившегося цемента и отклонился далеко от стены. Мальчик пришел в ужас, но ничего не мог поделать, кроме как продолжать висеть на ней, а затем решетка поддавалась полностью и Нед рухнул на землю. Он приземлился на спину; густая трава смягчила удар. У него сбилось дыхание, и какое-то время он лежал неподвижно, потрясенный. Наконец он постепенно пришел в себя и осознал, что произошло...

Я в западне.

До этого момента он изучал территорию с высоты огра-

ды и чувствовал себя в безопасности. Теперь же он оказался внизу, на территории спа-курорта. Ему было страшно. Он осознал, что пересек невидимую черту, зашел слишком далеко – и теперь его ждала расплата. «Я должен попасть на террасу и найти выход отсюда, – сказал себе Нед. – *В противном случае...*»

Нед сбросил с груди предательскую решетку и понял, что *он тонет*. Что-то холодное и мокрое пропитало его одежду, и ему казалось, что земля хочет его поглотить. Он попытался высвободиться, но руки увязли в густой черной грязи, от вида которой его чуть не стошнило. Нед смутно начал понимать, в чем дело. В этом слабоосвещенном месте, находившемся в тени здания и ограды, почва превратилась в болото, и он упал прямо в... зыбучие пески? Нед видел зыбучие пески только в кино, но в его сознании это словосочетание было таким же опасным, как нитроглицерин. В одиночку выбраться из него невозможно. Когда он попадает в уши, человек перестает думать, и мозг умирает. Словно Песочный Человек, он наполняет нутро, просачивается в нос и рот, забивает глаза. И в конце концов ты исчезаешь навсегда.

Нед заставил себя сосредоточиться. Паника сделает только хуже. Если что-то худшее еще возможно. Он вспомнил, что надо сделать. Лечь плашмя и не шевелиться. «Твое тело легкое, – подумал он, – даже если тебе так не кажется. Достаточно легкое, чтобы остаться на поверхности, если расслабиться». Нед закрыл глаза и замер. «Правила везде оди-

наковые, — напомнил он себе. — Единственное отличие — ты сейчас не в кровати и *ощущаешь* дьявольскую опасность через одежду и на руках, можешь почувствовать ее запах». Нед ждал, что противная слизь вот-вот наполнит уши, но этого не произошло. Правило снова сработало. Наконец он открыл глаза. Над ним возвышался неприветливый фасад спа-отеля, и Нед не удивился бы, если бы услышал, как он прогрохотал: *«Ты жалкий идиот, раз решил прийти сюда»*. Нед осторожно повернул голову и заметил, что глубже его не засосало. Возможно, все дело в лишнем давлении, когда он скидывал с себя тяжелую решетку. Ему хотелось на это надеяться. В любом случае, пружинистая трава каким-то образом удерживала его на поверхности, и она же поможет ему выбраться.

Медленно и терпеливо Нед приподнялся на пару сантиметров и отполз в сторону. Таким образом у него получилось продвинуться на приличное расстояние, главное было избегать резких движений. Стоило ему слишком сильно опереться на одну руку, как его снова начало затягивать в трясину.

— Аaaaaaa!

Он оказался лицом к лицу с жирной, лоснящейся тварью около шести сантиметров длиной, похожей на улитку без раковины. Нед схватил ее двумя пальцами и зашвырнул как можно дальше. Кто это? Пиявка? Кровососка? Скорее всего, и раз есть одна, есть и другие... Неда всего передернуло, и он неловко пополз назад, сантиметр за сантиметром прокладывая путь через болото. Он представил себя крабчеловеком,

передвигающимся на спине.

Внезапно он понял, что уже несколько метров ползет по твердой земле. Нед вскочил, прошелся руками по телу и волосам, чтобы убедиться, что на нем нет пиявок. Он весь дрожал – от сырости, пытался убедить себя мальчик. Теперь он мог осмотреться, чтобы получить представление о своем местонахождении. Он не знал, сколько времени у него ушло на то, чтобы выбраться из болота, но его больше не волновало, сильно ли он опоздает домой. Главное – вообще туда попасть. Терраса по-прежнему казалась лучшим, если не единственным путем к выходу, и Нед направился к ней. Помимо двух огромных дверей, на террасу выходило несколько окон, и он рассчитывал попасть внутрь через одно из них, а потом выбраться с другой стороны. Если не получится, то можно забраться на балюстраду и найти место, с которого легко перебраться на стену.

По пути на террасу Нед споткнулся о корягу и обнаружил дверь в нижней части здания. Конечно, она вела в подвал – у всех таких зданий есть подвал. Дверь была прикручена к каменному дверному проему, но после того, как Нед потянул за нее, она поддалась, скрипя ржавыми петлями.

Путь был свободен, крепость поддалась натиску, но Нед колебался. Дневной свет проникал только на несколько метров внутрь здания, а дальше лежала крошечная тьма. Придется бродить в темноте внутри огромного незнакомого здания, а нет ни фонарика, ни спичек, которые остались дома в

комнате. Разве это действительно такая хорошая идея? Нед снова корил себя за беспечность. Ты уверен в том, что делаешь, но всегда очень больно обнаруживать, что ошибался. И этот момент является закономерным итогом всего сегодняшнего приключения. Благодаря удаче или чему-то еще, у Неда получилось дойти до цели, несмотря на ошибочные решения. И, возможно, он уже израсходовал свой запас везения, поэтому любая ошибка внутри здания может оказаться последней. Когда он окажется внутри, сможет ли найти выход? Сможет ли справиться с опасностью, которая поджидает его в темноте (пиявку хотя бы было видно)? Возможно, Нет и Точно Нет – вот ответы на эти вопросы. Что ж, может, лучше попробовать залезть на стену...

Нет. Дверь была открыта, и Нед решил, что это будет лучшим завершением его экспедиции. Кроме того, глаза привыкнут к темноте, и хоть что-то можно будет увидеть. Какой-то свет с улицы наверняка проникает внутрь. Главное быть осторожным и не действовать необдуманно, вот и все. Эта дверь ведет в подвал под правым флигелем, значит надо идти налево, пока не дойдешь до лестницы. После того, как он выберется из подвала, станет гораздо легче, на верхних этажах много окон.

«Задача кажется сложной, – пытался убедить себя Нед, – но стоит взглянуть на нее еще раз и разложить на несколько этапов, и все окажется гораздо проще. Вроде как».

Ему показалось, что он входит в каморку с включенным

кондиционером. Температура воздуха в подвале оказалась ниже на пару градусов. Света, падавшего через открытую дверь, было достаточно, чтобы Нед смог разглядеть небольшое помещение. В противоположной стене он увидел другую дверь. Она открылась без труда, но за ней лежала крошечная тьма. Нед зашел в следующее помещение и подождал, пока его глаза привыкнут к темноте. «В каждой комнате должна быть дверь, – подумал он. – Вместо того чтобы идти напрямик, разумнее передвигаться вдоль стены, пока не нащупаешь следующую дверь». Наконец он пришел к выводу, что его глаза вряд ли привыкнут к темноте, глубоко вздохнул, повернул налево и пошел вдоль стены. Прямоугольник тусклого света от открытой двери скрылся из поля зрения, поэтому важно было действовать с осторожностью. Нед касался стены тыльной стороной левой ладони и старался идти, не отрывая ног от пола. Правую руку он вытянул перед собой, чтобы не наткнуться на предметы, которые могут появиться у него на пути.

Какое-то время Нед передвигался таким образом, пока его левая рука не нащупала деревянную поверхность, сменявшую каменную стену. Хорошо, вот и другая дверь. Нед был готов открыть ее, но задумался. Он шел более-менее параллельно внешней стене здания, и, возможно, эта дверь ведет в комнату, похожую на ту, из которой он пришел. А если это так, то ему туда не надо. Конечно, за этой дверью могла быть и лестница... или не могла. Нед прошел мимо

двери, надеясь, что он оказался в коридоре, который проходит через весь флигель, и что он направляется прямо в его центр. Хотя находиться в густой темноте было некомфортно, он старался не обращать на нее внимания. Он закрыл глаза и притворился, что на самом деле в помещении горит свет, превратив таким образом испытание в игру. Это сработало. Нед почувствовал уверенность и ускорился. Но затем он открыл глаза, поняв, что ведет себя глупо. С закрытыми глазами можно пропустить луч света, указывающий на лестницу. Хороша игра – с закрытыми глазами здесь можно бродить целую вечность.

Нед прошел мимо еще одной двери, потом третьей, и после нее он бросил считать, но их было еще несколько. Хотелось бы заглянуть за каждую из них, но не сегодня, не в полной темноте. Сейчас нужно следовать намеченному плану.

Как далеко он продвинулся? Наверняка уже дошел до центра здания. Очередная ошибка: если бы он считал шаги, то хотя бы приблизительно представлял себе, где находится. Нед попытался мысленно нарисовать план здания, прозрачную схему, а потом пунктиром нанести на нее проделанный путь. Наверное, он в районе... бессмысленно, все равно, что гадать на кофейной гуще. Он может быть на каком угодно участке воображаемой прямой линии. Если она, конечно, прямая. Нед продолжил идти в том же направлении, понимая, что сейчас нельзя менять первоначальный план. Он шел почти со своей обычной скоростью, надеясь найти что-

то кроме бесполезных боковых дверей.

Нед не знал, что его ждет внутри здания, хотя его сознание заполнили обычные образы: скрипучие полы, липкая паутина, звук удаляющихся шагов, кляцанье цепей, писк голодных крыс, может, даже мумифицированный труп, чьи глаза откроются, как только на него посмотришь. Но ничего подобного внутри не оказалось, лишь пронизывающий насквозь холодный воздух. И тишина, настолько полная и всепоглощающая, что даже тихие звуки его движений казались чем-то кощунственным. Насколько глубокая тишина, что просто находиться здесь было сродни богохульству. Идеальное место для призраков, но Нед подумал, что даже призраки чувствовали бы себя здесь неуютно.

Мальчик остановился. *Слишком далеко, я зашел слишком далеко.* По-другому думать у него не получалось. Его ощущения не могли его так обманывать, правда же? Возможно, он дошел до левого флигеля и не заметил этого. При выполнении любого плана наступает время, когда его недостатки нельзя больше игнорировать. Рано или поздно, если путь вдоль стены никуда не приведет, придется поменять свой план и открыть дверь. Но Нед не хотел идти дальше. Стена дарила ощущение комфорта, словно линия жизни, по которой можно выйти наружу, если он сдастся. Хотя даже эта мысль теряла свою привлекательность. К тому моменту, когда он выберется из здания, на улице будет темно и он не сможет найти место, где можно перелезть через стену. Он до-

шел до момента, когда все планы кажутся невыполнимыми. Нед знал, что если он просто сядет на пол и заплачет, то в конце концов почувствует себя лучше, но он не был готов сдаваться, еще нет.

Значит, повернуть назад нельзя. Значит, придется смириться с пустотой и ощущением, что он идет в никуда. Вдоль стены, и вдоль стены, и вдоль стены... Больше всего Неду хотелось лечь на пол, заснуть и проснуться следующим утром в своей постели. Или увидеть лучи фонариков, разрезающие темноту и услышать голоса, выкрикивающие его имя, и побежать, рыдая, в объятия отца. Но так в реальности не бывает. Если ему и суждено спастись, то сделать это он должен своими силами.

Он мог продолжить двигаться вдоль стены, или... Можно выяснить, действительно ли он находится в своего рода центральном коридоре. Пойти прямо от стены, считая шаги; если он прав, то дойдет до противоположной стены. Если ему покажется, что расстояние слишком большое, то он сможет повернуть назад. Нед какое-то время размышлял над этой идеей, прежде чем пришел к выводу о разумности данного эксперимента.

Два... Восемь... Двенадцать... Можно остановиться на двадцати... Двадцать... Хорошо, дойду до двадцати пяти, и уже точно все... Двадцать пять. Ничего. Вряд ли бывают такие широкие коридоры. Но если это не коридор, то что за комната? Нед замер в темноте, пытаясь понять, что делать

дальше. Если он повернет назад, как и было запланировано, то смалодушничает, и когда он дойдет до стены, то ему придется решать, продолжить ли путь вслепую, или выйти наружу. Однако Нед осознавал, что нет никакого смысла бесцельно бродить по такому огромному помещению. Оно может оказаться настолько большим, что придется часами бродить кругами. Нед убедил себя, что лучше придерживаться плана. Повернуть назад и отсчитать двадцать пять шагов.

Но прежде чем развернуться, Нед замер. Было по-прежнему темно, не раздавалось ни малейшего звука, но что-то его остановило. Непонятно, почему, не было никаких рациональных обоснований, но его накрыла новая волна ужаса, и тело отказалось поворачивать назад. У Неда не оставалось сомнений, что если он повернет назад и пройдет несколько шагов, то окажется в огромной опасности. На лице выступил пот, что невероятно в таком холодном месте. Нед старался не дышать, но мозг быстро обработал новую информацию. Главное – следовать правилу, которое работало и при других обстоятельствах. Если обернуться назад, то там обязательно будет *нечто*, прямо за спиной. Тело Неда пришло в движение раньше, чем в его голове сформировалась мысль. Он будет в безопасности, только если продолжит идти вперед. Надо было это предвидеть – как только ты вылез из-под одеяла, или, в данном случае, отошел от стены, пути назад нет. Продолжай идти вперед, и *оно* останется позади. Нед молился, чтобы это было действительно так.

Он понятия не имел, куда идет. Он пытался двигаться по диагонали, налево, к центру здания, но не был уверен, что идет в нужном направлении. И даже если Нед придерживался задуманного курса, то нет никаких гарантий, что он куда-то приведет.

В этот раз, дойдя до двери, Нед открыл ее без колебаний и обрадовался, что не уперся в еще одну стену. Наградой стал бледный серый свет в отдалении. Может, это была иллюзия, но Неду этого было достаточно. О том, чтобы поворачивать назад, не могло быть и речи. Он физически ощущал прикосновение страха. Нед захлопнул дверь за спиной, хотя понимал бессмысленность этого действия. Тому, что его пугает, двери и стены не помеха.

Он продолжил продвигаться вперед такими же неловкими, но равномерными скользящими шагами, испытывавшими на прочность подошвы его кроссовок. Но несмотря на осторожность, Нед споткнулся и распластался на каменном полу. Руки отчаянно хватались за темноту, и каждая нервная клеточка тела вопила о его уязвимости. Нед вскочил на ноги, надеясь не потерять направление, в котором он двигался. Причиной его падения стала деталь какого-то сооружения или механизма. Но впереди мальчик увидел пятно серого света, продолжил путь к нему и почти сразу же снова споткнулся, попав ногой в какой-то таз или чан. Нед вскрикнул от злости. Он выбрался на пол и постарался отойти в сторону, но уперся в стену и понял, что теперь уже точно нахо-

дится в коридоре, довольно узком и полном всякого барахла. Чье-то присутствие за спиной стало более ощутимым и подстегнуло ускорить шаг. На разные непонятные предметы он натыкался почти с каждым шагом и старался как можно быстрее перелезть через них или обойти. На теле появились синяки и ссадины, но задумываться о них не было времени. «Если выберусь отсюда, то вернусь с фонариком и большим молотком, – пообещал себе Нед, – и разгромлю это барахло на мелкие кусочки». Но потом он понял, что никогда этого не сделает. Если он выберется, то никогда сюда не вернется.

Нед наткнулся животом на железный прут, торчавший из какого-то невидимого прибора. Мальчик сложился пополам от боли, отполз в сторону и лег на спину. На этот раз он остался лежать на месте, хватая ртом воздух, и вскоре вдохи перешли во всхлипы. Он больше не хотел никуда идти, будь что будет. Если здесь действительно есть фантомы, то пусть заберут его, раз и навсегда. И все будет кончено. Но ничего не произошло.

Нед лежал в темноте и тишине, которую нарушал лишь звук его дыхания. Он почувствовал смутное разочарование, словно оказался слишком маленьким и незначительным для *них*. Нед заставил себя встать и продолжил движение в сторону серого света. В своем воображении он почти видел нечто за спиной, расплывчатую фигуру, которая пристально смотрела на него сверху вниз и говорила: *«Иди, малыш, сейчас ты в безопасности, но мы можем забрать тебя в любое вре-*

мя, где угодно...»

Источником тусклого света была открытая дверь на верхней площадке лестницы. Нед наконец добрался до выхода, но вместо радости или облегчения чувствовал только странное опустошение. Он поднялся по лестнице и вышел в большое круглое помещение. Нед решил, что раньше это был холл спа-отеля. Теперь здесь было пусто, на полу валялись куски штукатурки, осколки стекла, пивные банки, фантики от шоколадок и прочий мусор. Слой краски свисал со стен длинными лоскутами. Внушительная лестница спиралью поднималась на четыре этажа и заканчивалась на самой верхней площадке, над которой возвышался огромный каркас застекленной крыши. Стекол в ней почти не осталось – постарались погода и вандалы, но можно было представить, каким грандиозным когда-то было это место. Да оно и сейчас таким оставалось, в некотором роде. Кроме того, Нед заметил, что у него сбилось чувство времени. Ему казалось, что он часами бродил по подвалу и сейчас должно быть около девяти вечера, но на улице было довольно светло. Может, сейчас половина седьмого или семь? Может, время в этом месте замедляется... На полу валялось разоренное осиное гнездо, и Нед пнул его ногой. Он победил. Он исследовал спа-отель, начиная его дальней внешней стеной и заканчивая холлом. Он справился, несмотря на все препятствия и сложности. Тогда почему он чувствует себя сбитым с толку и даже побежденным?

Входная дверь была заколочена, но кто-то выбил нижние доски, и Нед понял, что ему не составит труда выползти на улицу. словно щенок. Однако он резко остановился, не дойдя до двери. По толстому слою пыли и грязи на полу были выведены слова. Казалось, что буквы извивались, подобно змеям, но держали форму, чтобы можно было прочесть послание.

ТЫ СНОВА БУДЕШЬ МОИМ

Вся кровь в теле Неда устремилась к сердцу, которое колотилось как бешеное, словно вот-вот взорвется. Мальчик дрожал, но стер слова, букву за буквой, носком своего кроссовка. И побежал, словно от этого зависела его жизнь, побежал по длинной подъездной дорожке, ведущей от отеля, через кусты и через заброшенную железную дорогу, он бежал и сам не знал от чего, и замедлился только когда наконец оказался на знакомых улицах с обычными домами.

В течение полутора часов тревога и страх все больше заполняли ее сознание. Линда чувствовала, что ее тело состоит из стальных прутьев. Воображение разыгрывало короткие пьесы из материнских кошмаров. И потом в один момент, единственный хороший момент ее дня, все ее страхи рассеялись, когда она увидела, как Нед идет к дому через задний

двор. Он никогда не возвращался так поздно. Линда с трудом сдерживала слезы. Она была так счастлива видеть его дома, живым и невредимым! Конечно, как только он открыл дверь и вошел в кухню, ее радость превратилась в чистейший гнев.

Кроссовки Неда были покрыты толстым слоем грязи. Одежда запачкалась, особенно на спине. Грязь была у него в волосах и на лице, а руки казались черными. Линда заметила длинную ссадину на его правом предплечье. Без сомнений, и другие травмы терпеливо ждали обнаружения под слоем пакости.

– Привет, мам.

Нед казался слишком равнодушным для девятилетнего ребенка. Он спокойно подошел к шкафчику у раковины и достал из него упаковку антисептика.

– Где ты был? – закричала Линда до того, как Нед начал мыть руки. – Только посмотри на себя! Ты весь в грязи, поранил руку и больше чем на час опоздал к ужину! Где ты был? Чем занимался?

Нед оцепенел. Вся его уверенность улетучилась, снесенная ураганом тирады матери. Он попытался что-то сказать, но слова застряли в пересохшем горле. Он сглотнул и попробовал еще раз.

– Я просто гулял в лесу, – сказал он дрожащим голосом.

– Гулял в лесу? – продолжила бушевать Линда. Она хотела, чтобы все страхи, которые завладели ей, пока она ждала

Неда и молилась за его безопасное возвращение, вырвались наружу. Хотела, чтобы он понял, насколько беспомощным и напуганным может быть человек. Но потом ее глаза наполнились слезами, они потекли по щекам, и Линда уже не могла ничего с ними поделать.

Нед простоял несколько секунд в нерешительности, потом подошел к ней. Линда почувствовала, как он обнял его своими тонкими руками, и крепко прижала его к себе, все еще рыдая. Краем глаза сквозь слезы она заметила Майкла. Линда моргнула несколько раз, вытерла слезы и шмыгнула носом.

– Как ты мог, Нед?

– Ну... У меня же нет часов, – резонно заметил он.

– Да, но тебе известно, когда пора идти домой, – продолжила Линда. – Ты знаешь, как...

Нед молча кивнул, готовый выслушать мать до конца. Не было смысла с ней спорить. Зачем? Он знал, что у него нет оправдания. Судя по тому, как на него смотрел отец, Неду предстояло выслушать еще одну лекцию после того, как мать закончит. Двойная порция. А затем последует какое-нибудь наказание.

Но Нед не возражал. На самом деле, он был рад, что вернулся домой, рад был принять все то, что его ждало. Ему повезло. Совсем недавно, не очень далеко отсюда, он смог сбежать от кое-чего гораздо страшнее. Те четыре слова все еще пульсировали в его сознании. Он никогда их не забудет.

8. Полидори-Стрит

Майкл намеренно выбрал самый захудалый бар на побережье. Полидори-Стрит являлась старейшей улицей Линн-хейвена и выглядела соответствующе. «Здесь можно найти старожилов и впитать местный колорит», – думал Майкл, посмеиваясь над своими планами. Он осознавал потенциальный идиотизм предстоящего квеста, но не был готов от него отказаться. «Я не какой-нибудь глазающий турист, – успокаивал он себя, – я тоже живу здесь». Кроме того, Майкл понимал, что в гостинице «Вашингтон Ирвинг», или в баре «Патрик Генри», или в ресторане «Эдисон», или в любом другом заведении, расположенном вдоль шоссе за пределами города и обставленном мебелью, обитой искусственной кожей, он не найдет ничего интересного. Они были клонами чего угодно из Штат Какой Угодно, США.

Бар, в который вошел Майкл, оказался настолько неприятным, что у него даже не было названия, только неоновая реклама пива «Будвайзер» над входом. Оказавшись внутри, Майкл заметил, что пол от двери идет под уклон. Пока он шел к барной стойке, чтобы занять свободное место, у него было физическое ощущение, что он идет по наклонной. «Атмосферно, – подумал он, – мне это нравится». В баре почти никого не было. Два посетителя сидели за хлипким столом в углу. Они неотрывно смотрели на свои напитки.

ки, столь же веселые и жизнерадостные, как два кактуса в горшках. «Может, их лодка только что затонула, а они ее не застраховали», – подумал Майкл. Третьим и последним посетителем был молодой человек с кудрявыми волосами. На нем была футболка с отрезанными рукавами, и он сидел на табурете у дальнего конца барной стойки. Бармен безучастно слушал рассказ молодого человека, который тот сопровождал активной жестикуляцией. Майкл не мог разобрать, о чем идет речь, поэтому принялся набивать свою трубку (он предусмотрительно взял с собой самый выдавший виды экземпляр своей коллекции). Зеркало за баром украшали открытки, банкноты разных стран и металлические таблички с различными броскими фразами типа «ТЯЖЕЛОГО МУЖИКА ХОРОШО НАЙТИ!» или «ВИСКИ – ВРАГ. А МО-РЯК ВРАГОВ НЕ БОИТСЯ!»

Бармен заметил Майкла и подошел к нему, чтобы взять заказ.

Он был грузным человеком неопределенного возраста: ему могло быть тридцать пять, а запросто и пятьдесят. Судя по опухшему лицу в шрамах, он часто участвовал в драках. На черепе, которой мог бы стать достойным объектом изучения для френолога, словно лишайник, росли короткие волосы.

– Бутылку «Бада», – попросил Майкл.

С пятерки он получил сдачу четыре доллара пятнадцать центов. Бармен вернулся к кудрявому юнцу, который назвал

его Тедом. Тед, бармен, послушал Кудряша еще пару минут, пожал плечами и отошел. Он зажал зубочистку между зубов и взглянул на Майкла поближе.

– Вы местный? – спросил Тед. Вопрос прозвучал как обвинение.

– Да, переехал сюда не так давно.

– Вот как? – Тед слышал истории поинтереснее. Он продолжал жевать свою зубочистку.

– Тихо тут у вас, – заметил Майкл.

Тед пробормотал что-то неопределенное. В этот момент в бар вошли еще три юнца и присоединились к Кудряшке. Они заказали 7&7, коктейль из виски и 7-Up, который Майкл терпеть не мог. Тед начал наливать напитки, и взгляд Майкла упал на табличку «УШЕЛ ВЫПИТЬ НА ОБЕД!». Он заметил, что все надписи заканчивались восклицательным знаком.

Один из мужчин у бара начал громко рассказывать анекдот про моряка, который провел месяц в море, а потом пошел по барам, пока наконец не нашел понравившуюся проститутку. Они пошли к ней домой, он заплатил пять долларов, и они занялись сексом. Но моряк слишком много выпил, и у него ничего не получалось. Но он старался и в конце концов спросил у скучающей девушки, насколько он хорош. «На три узла, морячок», – ответила она. Моряк не понял, шутит ли она над ним, и попросил объяснить. Ее ответ: «Он не стоит, он не вошел, и я не верну твои пять баксов». Мо-

лодые люди расхохотались. Майкл улыбнулся. Тед, который слышал этот анекдот уже много раз, изучал серийные номера на банкнотах.

В бар вошла женщина и, быстро оглядевшись, села на табурет рядом с Майклом. «Как раз вовремя», – подумал он. Он предвосхитил появление шумного трио своим замечанием о том, как здесь тихо. Теперь их анекдот предвещал появление этой роковой женщины. Единственный намек, который не работал в этом баре – восклицательный знак, он пока никого не рассмешил. Похоже, Тед был знаком с этой женщиной, потому что сразу налил ей виски с имбирным элем, не дожидаясь, пока она сделает заказ. Потом он уставился на большую банку с маринованными яйцами, пытаясь, вероятно, угадать их количество.

– Привет, – сказала женщина улыбаясь.

– Привет, – отозвался Майкл.

– Здесь сегодня многолюдно.

– Яблоку негде упасть, – согласился Майкл с ноткой сарказма в голосе. Проще и безопаснее было рассмотреть ее в зеркало за барной стойкой. У нее было яркое искусственное кукольное личико. Возможно, теперь на макияж у нее уходило больше времени, чем раньше, но она еще не достигла той стадии, когда косметика не помогает. Быть может, это ее скоро ждет, но не сегодня.

– Меня зовут Ви, – представилась она. – Сокращенно от

Вийеллы⁶, как фирма по производству рубашек. Как тебе такое имя? Все зовут меня Ви. А тебя?

– Дейв, – ответил Майкл. Это было его среднее имя.

– Хорошее имя. Надежное, – сказала Ви. – Имена меня завораживают, а тебя? Моего первого мужа звали Илиано, но все звали его Или, что ему подходило. Он никак не мог решить, кем ему быть или чем заниматься. Он был *или* в человеческом обличье. Постоянно застревал между альтернативами, никогда не знал, что выбрать. Все время, что я его знала, он был этим *или*. Может, таким он и остался, бедняга.

Чем больше Ви говорила, тем меньше он хотел ее слушать. Он задал ей всего один вопрос – из вежливости:

– Ты живешь в Линнхейвене?

Но этого было достаточно, чтобы Ви взяла диалог в свои руки.

– Линнхейвен забавный старый городишко, – сказала Ви. – Миленький, но дурацкий, понимаешь? Город неплохой, но не самое оживленное место на земле. На самом деле, жизнь здесь течет чертовски медленно, если разобраться.

Майкл кивнул в знак согласия. Не было никакого смысла говорить ей, что город нравился ему именно по этой причине.

– Я хочу отсюда уехать, – продолжала Ви. – Но не знаю, куда. Поэтому я все еще здесь. Я уже полгода об этом ду-

---

⁶ *Viyella* — британская фирма по производству одежды, прежде всего знаменита рубашками.

маю – вот такая я нерешительная. С тех пор как умер Ральф. Может, поеду в Аризону, или в Орегон, я слышала, что там неплохо. Но потом я вспоминаю, что в Аризоне активизировалась мафия. Думаю, это лишь вопрос времени...

«Она не подозрительная, – решил Майкл. – Просто дурочка». Теперь он понял, что глупо было приходить сюда. Дома его ждали жена, сын и много выпивки. Так что же он делает в этой безымянной дыре? Чего ищет? На самом деле, ничего. Просто приятно дойти пешком до бара, выпить пива и вернуться домой. И этого достаточно. Достаточно, чтобы вспомнить, насколько ему повезло. Мир был полон несчастных людей, таких, как Ви, Тед и те кактусы. Людей, у которых ничего нет, в жизни которых ничего не происходит. Даже Линда, его собственная жена – где бы она была без него? Она хороший человек, она полна любви, но сможет ли она жить одна, если придется, удержит ли она себя в руках? Есть ли в ней необходимая внутренняя сила? Майкл задумался. Конечно, у нее будет Нед, но дети часто мешают, а не помогают. Если когда-нибудь что-то случится с Майклом, то Линде потребуется помощь. В том числе помощь другого мужчины. Она просто не из тех людей, кто может жить один. Может, Майклу следует увеличить сумму страховки на случай его смерти, чтобы у Линды была подушка безопасности, если произойдет немыслимое. Страховка лишней не бывает.

– ...на обратном пути, – Ви продолжала свой рассказ. – Мы с Бруно поженились, вот так. Такие уж мы люди. Но наш

брак продлился всего неделю. На медовый месяц мы поехали на Гаити, что оказалось удобно, потому что там можно достаточно быстро развестись. Что мы и сделали. Не спрашивай меня, почему. Кто вообще понимает в браке? Скажу лишь, что это смешная штука. В любом случае, позже я узнала, что Бруно занялся оружейным бизнесом в Никарагуа и стал очень богатым. Вот так мне повезло. Он продает оружие и тем, и этим, вообще всем – в этом прелесть свободного рынка. Так себе способ зарабатывать, конечно. Я наконец поняла, почему он был таким нервным.

«Уязвимость», – подумал Майкл. Да, это одно из качеств, а возможно и основное качество, которое привлекало его в Линде. Она была очень уязвима. Она нуждалась в заботе и защите. Она была главным проектом его жизни, и одна мысль об этом делала Майкла счастливым.

– Когда разговариваешь в баре с незнакомцами, в голову приходят интересные мысли, – сказал Майкл отрешенно. – О которых ты раньше не задумывался.

– Не говори, – согласилась Ви.

Майкл еще раз посмотрел на женщину и вынужден был признать, что она вполне ничего. И фигура у нее хорошая. Он даже мог бы найти ее привлекательной, если бы задумался об этом.

Хорошо, что он счастлив в браке.

9. Под полумесяцем

Перед сном.

Сидя у окна.

События в спа-отеле проигрывались у него в голове, словно фильм, снова и снова.

А потом пугало, освещенное светом полумесяца, пошевелилось.

Руки-палки, сначала одна, потом вторая, повернулись и указали.

На Неда.

10. Линда

Она ждала знака.

Ее муж, пролистывающий последний номер журнала «Бизнес Уик»? Ее сын, тихонько смотрящий «Бака Роджерса» по телевизору? Бульканье и гудение посудомоечной машины? Нет, это не то.

Линда подумала, что ее проблема заключалась в том, что она была слишком романтичной. Перечитала Вордсворта⁷ в колледже, или что-то в этом роде. Можно всю жизнь прождать знака о том, что началась идеальная, идиллическая жизнь, о которой ты мечтала. Но этого никогда не произойдет. Даже если все сложилось, как надо, и до мечты уже рукой подать... Как тяжело было сомкнуть пальцы вокруг нее. Воспоминания? Можно осветить их волшебным фонарем, но они так и останутся самыми обычными.

Но Линда ждала совсем другого знака. Того, который предвещает неприятности. Нельзя сказать, что Линда ждала их с нетерпением, но здравый смысл подсказывал ей, что они рано или поздно произойдут. Когда у тебя есть единственный ребенок, осознание потенциальной опасности повышается. Знак, когда он появится (если появится), может означать что угодно, но больше всего она боялась какого-нибудь недуга. Хотя Нед казался абсолютно здоровым ре-

---

⁷ Уильям Вордсворт (1770–1850) – английский поэт-романтик.

бенком, в нем мог быть заложен ее собственный физический изъян, словно бомба с часовым механизмом.

С астмой связано множество мифов и ложных представлений. Друзья из Вашингтона уверяли Линду, что она сошла с ума, когда решила переехать на побережье, так как влажный морской воздух убьет ее. «Переезжай в Аризону», – советовали они ей. Но астма на разных людей влияет по-разному, и Линда на собственной шкуре убедилась, что сухой воздух с большей вероятностью может спровоцировать у нее приступ. Даже здесь, в Линнхейвене, они установили увлажнители воздуха на обоих этажах своего дома. Некоторые люди считали астму исключительно психологической проблемой, и это ее раздражало. Она сбилась со счета, сколько раз ей советовали хорошего психиатра. Конечно, стресс играл свою роль, но астма все-таки физическое заболевание. Даже люди с самой устойчивой психикой не были застрахованы от сильных приступов. Но больше всего ее огорчало то, что некоторые были уверены, будто астмой заболевают только в детстве. Если бы это было действительно так, то Линда начала бы отсчитывать дни до того момента, когда Нед будет в безопасности. До его подросткового периода осталось всего несколько лет. Но астма могла проявиться у человека в любом возрасте. А во многих случаях она появлялась у взрослых. Поэтому Линда испытывала облегчение каждый день, когда Нед был здоров, но в то же время чувствовала неминуемую угрозу. Никогда нельзя знать наверняка, никогда нель-

зя чувствовать себя в полной безопасности.

И астма была лишь одной из многих опасностей. Ребенок может умереть по миллиону различных причин. Пускай наркотики и уличные банды остались в Вашингтоне (по крайней мере, она на это надеялась), но Линнхейвен по-прежнему являлся незнакомой территорией, и было бы ошибкой относиться к нему, как к абсолютно безопасному месту. Нед мог пораниться о ржавый рыболовный крючок, например, и заразиться столбняком.

Линда почувствовала, что оказалась в знакомой западне и постаралась себя из нее вытащить: чем больше ты волнуешься, тем больше находишь поводов для волнений. И эта дорога может привести к фатализму и апатии. Но Линда знала, что лучше всего сохранять бдительность.

Майкл сохранял олимпийское спокойствие. Казалось, ее страхи его не беспокоили. Она хотела бы быть похожей на него, с готовностью и уверенностью принимать каждый день. Линда всегда ценила это в своем муже, даже много лет назад, когда в нем еще играл мальчишеский задор. Ей не доставало его уверенности. Майкл не плыл по течению. Он всегда знал, кто он и что он делает, и он выстроил свою жизнь на этом фундаменте. Линда крепко держалась за это ощущение определенности, несмотря на то, что оно иногда ее раздражало.

Может, проблема заключалась в том, что они с Майклом редко оставались наедине. Последний раз они отдыхали

вдвоем – боже – целых шесть лет назад. Они оставили Неда с дедушкой и бабушкой в Буффало и поехали в Монсеррат на неделю. С тех пор они даже на одну ночь в мотель не выбирались. Да, им пошло бы на пользу уехать куда-нибудь вдвоем. Но она знала, что в этом году не получится. Они уже потратились на новый дом, и осталось еще много работы.

Со времен студенчества в Бостонском университете они с Майклом проделали огромный путь. Оттуда они переехали в Пенсильванию, где Майкл работал над диссертацией. Потом в Вашингтон, волнительное приключение, которое с течением времени превратилось в рутину. Линда с горечью думала о старых книгах по истории искусств, которые теперь пылились в подвале, разложенные по коробкам. Она не могла вспомнить, когда последний раз ходила на выставку или покупала новую книгу об искусстве. Майкл тоже изменился. Его стала устраивать скучная стабильность госслужбы. Он перестал задумываться о переходе на работу в одну из престижных частных фирм, не говоря уже о создании собственной.

«Это и есть жизнь, – подумала Линда. – Рано или поздно, так или иначе, приходится идти на компромисс и выбирать стабильность».

И вот они поселились в Линнхейвене. Уехали из большого города. Теперь у них свой дом, а не квартира. Четыре акра земли. Следующая ступень на бесконечной американской лестнице, которая ведет... куда? Может, в этом весь смысл:

движение, видимость перемен, которой подменяются сами перемены. Но на что Линде жаловаться? Чего ей еще не хватает?

Друзей. Кто знает, когда Линда говорила Майклу о том, что Неду необходимы друзья, не имела ли она в виду себя? У нее есть ребенок, за которым необходим присмотр, и брак, удобный, как старое кресло, но нет ни соседей, с которыми можно было бы общаться, ни друзей.

В Вашингтоне у нее были знакомые, жены коллег мужа и соседи по многоквартирному дому. Но переезд в Линн-хейвен свел общение с этими людьми к редким телефонным звонкам и туманным обещаниям с обеих сторон встретиться в ближайшее время. «Не происходит ли со мной что-то», – задавалась вопросом Линда. Когда ты переезжаешь в маленький городок из мегаполиса, то сразу становишься старым и скучным человеком? Одно она знала наверняка: переезд обрывает связь со многими аспектами прошлой жизни.

Даже с Дженис, и это расстраивало ее больше всего. Дженис Робертс была лучшей подругой Линды в Вашингтоне, но, казалось, за эти несколько месяцев они стали чужими друг другу. Они все еще общались по телефону, но теперь их разговоры стали короткими и почти обезличенными. Это беспокоило Линду, но она пыталась убедить себя в том, что они проходят через временный застой, который иногда возникает в отношениях.

Линда и Дженис познакомились в колледже в Бостоне,

но их дружба расцвела только после случайной встречи в Вашингтоне. Дженис устроилась в небольшую, но перспективную фирму по связям с общественностью и поселилась в крошечной квартире на окраине Джорджтауна, неподалеку от Майкла и Линды. Они были не только бывшими однокурсницами, но и в некотором роде дополняли друг друга. Дженис жила одна и занималась своей карьерой, а Линда вышла замуж и мечтала о детях. В их дружбе не было ни намёка на соперничество. Линда и Дженис были довольны своим выбором и поэтому могли без зависти ценить способности и сильные стороны друг друга.

В Вашингтоне Линда и Дженис регулярно встречались, чтобы сходить в галерею, в кино или театр, или просто пообедать вместе, а потом пройтись по магазинам. Даже после рождения Неда они общались не сильно реже, чем раньше. Майкл не отказывался сидеть с младенцем несколько часов вечером в будни или днем в субботу. И Дженис иногда присматривала за малышом, чтобы Майкл и Линда могли выбраться куда-нибудь вдвоем. Майкл и Дженис неплохо ладили. Хотя он считал ее слишком претенциозной, а она находила его немного душным, вражды между ними не было.

Но теперь – что же такое творится с Линдой, от чего их с Дженис дружба меняется? С тех пор, как Ковингтоны переехали, они виделись ровно два раза. Сам по себе этот факт не так удивителен: Дженис слишком занята на работе, а Линда с трудом справлялась с Недом и новым домом. Нет, было

что-то еще. Возможно, атмосфера тех двух встреч беспокоила Линду.

В первый раз они виделись вскоре после переезда, когда Дженис приехала в Линнхейвен. Ей понравился дом и участок. Она провела в гостях у Линды почти весь день. Женщины непринужденно болтали, пили вино с паштетом и кофе с выпечкой. Не было ни неловкого молчания, ни напряженных моментов. Приятная встреча, как и многие до нее. Да, но?.. Линда вспомнила. За несколько минут до расставания Дженис огляделась и сказала: «Что ж, ты и вправду теперь здесь». Но дело не в том, что она сказала, и даже не в том, как она это сделала. Линда запомнила выражение глаз Дженис, которое задержалось на мгновение, а потом исчезло. Даже сейчас, пару месяцев спустя, Линда не могла понять, что оно означало. Возможно, ничего. Возможно, ей просто показалось. Но она не могла забыть это выражение.

Спустя какое-то время они снова встретились. В пятницу. Она позвонила в офис Майкла и сообщила, что он заболел и на работу не придет. На самом деле он был здоров и просто захотел устроить себе длинные выходные. Это освободило Линду от домашних обязанностей, и она сразу же решила съездить в Вашингтон. Днем Дженис должна была быть на приеме, но она решила улизнуть пораньше и пообедать с Линдой. Они провели вместе чуть меньше часа, но Линде показалось, что гораздо дольше.

– Как прошел прием?

– Ужасно, что даже хорошо, – ответила Дженис. – Толпа коррумпированных копов и амбициозных молодых помощников конгрессменов.

– Чему он был посвящен?

– Тефлоновым пулям.

– Ты шутишь? – улыбнулась Линда, но потом поняла, что Дженис была абсолютно серьезна. – Почему...

– Поверь, ты не хочешь это знать.

Их разговор кое-как продвигался, то и дело стопорясь, еще полчаса. Дженис казалась не уставшей, но какой-то изможденной. Это было не похоже на нее, и Линда почувствовала смущение. Внезапно она поняла, что ей не о чем рассказывать. Словно над столом между ними возник вакуум. Обе женщины испытали облегчение, когда пришло время расставаться.

– У тебя все хорошо? – спросила Линда, когда они вышли из ресторана.

– Конечно. А что?

– Не знаю. Мне кажется, тебе не помешал бы отпуск.

«Это прозвучало ужасно», – подумала Линда. Но сказанного не воротишь.

– Может, ты и права, – согласилась Дженис. – А ты как? Как дела в твоей глуши?

Линда вспомнила свой ответ:

– Чудесно.

По дороге в Линнхейвен она пыталась отогнать от себя

меланхолию. Так иногда бывает. Мы обе не в настроении. Дженис слишком много работает. Я еще не до конца привыкла к новой обстановке. И так далее. Бла-бла-бла. Чудесно? Неплохо? Нормально? Так себе? Или... как?

С тех пор у нее пропало желание ездить в Вашингтон, но она надеялась, что Дженис приедет еще раз. Их дружба была слишком крепка, чтобы пострадать из-за небольших неурядиц. Но теперь Линда понимала, что Дженис не решит ее проблемы. Линда знала, как просто было почувствовать себя невидимой в большом городе; после переезда в Линнхейвен она почувствовала на своей шкуре, что можно испытывать такое же одиночество и в маленьком городке. «И единственный человек, который может хоть что-то изменить, – это ты сама», – напомнила она себе еще раз.

Линда оторвалась от остывшего чая и неоткрытого журнала.

Она что-то услышала или ей показалось? Голос. Нед с кем-то разговаривает. Линда вышла из кухни и тихо прошла через столовую. Она увидела Неда в гостиной. Он стоял и смотрел прямо перед собой, в пустоту.

– С кем ты разговаривал?

Нед обернулся, напуганный присутствием матери.

– Ни с кем.

– Я слышала твой голос минуту назад.

Яркий солнечный свет заливал комнату через широкое окно, что только усиливало дискомфорт Неда. Он отступил

в тень.

– Нет... Наверное, я просто прочитал вслух реплику. – Он указал на газету на кофейном столике, развернутую на странице с комиксами. – Вот и все.

– Нед, у тебя все хорошо?

– Конечно.

– Тогда не забудь, что твой отец попросил тебя прополоть сорняки в саду.

– Я помню. Я сделаю это попозже, когда будет прохладнее.

Нед поднялся в свою комнату. Линда свернула газету и вернулась на кухню. Вслух? Да, Нед не пропускал ежедневные комиксы в газете, и в его комнате полно журналов с комиксами. Но читать их вслух – совсем не похоже на ее сына. Нед любил читать, этим он пошел в отца. Если больше нечего было читать в туалете, Майкл изучал этикетку освежителя воздуха, сидя на унитазе. Однажды он вышел из «тронного зала», критикуя производителей косметики за перевод нефтепродуктов. Но Нед был из тех детей, кто мог читать часами, не производя ни звука. Он даже никогда не смеялся над комиксами, не говоря уже о том, чтобы читать их вслух.

«Не делай в очередной раз из мухи слона», – укорила себя Линда. Какая разница, если Нед вдруг начал читать вслух или даже решил поговорить с воображаемым другом? Дети постоянно так делают. В этом нет ничего страшного, более того, во всех книгах пишут, что иногда такие диалоги даже полезны. Но Неду почти исполнилось десять, и ничем подоб-

ным он раньше не занимался. Или она об этом не знала...

Можно было бы обсудить такое поведение с Майклом, но разве было здесь о чем говорить? Он бы выслушал ее, он всегда так делал, внимательный, сочувствующий, обеспокоенный, и потом спросил бы: «Что именно ты слышала? Ни единого слова, ни даже слога. Ничего. И переживать нечего».

«Возможно, он был бы прав», – подумала Линда. Ей просто нужно быть начеку. Важно быть готовой, если ее сыну будет что-то угрожать, быть готовой сделать что угодно ради его безопасности. Она защитит Неда. Она умрет за него, если до этого дойдет. Без вопросов.

11. Объяснения

Майкл Ковингтон потягивал джин со льдом. В такие жаркие вечера этот напиток казался ему более освежающим, чем бурбон. Весь день в Вашингтоне он чувствовал себя как в парилке. Кондиционер в офисе не работал три часа, а с такой влажностью пот льется градом, даже если сидеть спокойно. Теперь, на закате, растянувшись в шезлонге на заднем дворе со стаканом в руке, он чувствовал себя гораздо лучше. Рядом с Майклом на траве лежал его сын и смотрел на него, ожидая, что тот скажет.

– Нед, я хочу рассказать тебе историю, которая произошла со мной, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе. Я помню все, как будто это произошло вчера. Возможно, эта история даст ответы на твои вопросы.

Майкл замолчал и уставился в прозрачный ледяной напиток, словно это был магический шар, показывающий прошлое.

– Кажется, я уже рассказывал тебе, – продолжал он, – что в детстве я подрабатывал разносчиком газет. Я доставлял воскресные выпуски во многие дома в округе. В какой-то момент у меня было сто восемь клиентов. Можешь представить, что мой маршрут был достаточно длинным. И в те дни мы доставляли несколько разных газет, которых сейчас уже не существует, например «Джорнал-Американ», «Геральд

Трибьюн» и «Миррор». Я даже доставлял одну польскую газету, не помню ее названия. Спорю, что и сейчас помню свой маршрут, имена клиентов и названия газет, которые я им доставлял... Хотя сейчас это не имеет значения.

В Буффало зима гораздо более суровая, чем здесь. Снег валит тоннами. Помнишь фотографии, которые тебе прислал дедушка Фред в позапрошлом году, с сугробами в человеческий рост? Когда я был маленьким, каждую зиму было так же, если не хуже. Или, по крайней мере, мне так казалось. И ты знаешь, какой тяжелой и толстой бывает газета «Нью-Йорк Таймс» по воскресеньям. И вот представь себе, как я тащу ее через сугробы высотой до подбородка, стараюсь ее не намочить и доставить в целости до чьей-то защитной двери, которая примерзла и не закрывается до конца. Я совру, если скажу, что мне нравилась эта работа. Я ее ненавидел. Погоду, собак, подъемы в шесть утра, жадных клиентов, которые удавятся из-за жалких пятнадцати или двадцати центов... Но в любом случае, это полезный опыт, и деньги, пусть и небольшие, были в те времена не лишними.

История, которую я хочу тебе рассказать, произошла в один летний пятничный вечер. Было так же жарко, как сейчас. Я ехал по округе на велосипеде и собирал плату со своих клиентов. Было девять часов вечера, а может, и чуть позже, потому что я помню, что уже полностью стемнело. Я заехал в местный продуктовый и купил там конфет, любимых мятных леденцов. Когда я вышел из магазина и поехал дальше,

то обратил внимание на луну. Она была огромной, словно гигантская золотистая тыква в небе. Такой большой луны я раньше не видел.

Я продолжил свой путь, заехал еще в несколько домов за деньгами, параллельно поедая конфеты. Но я крутил педали все медленнее и не мог глаз оторвать от луны. Она была просто огромной, и мне показалось, что здесь что-то не так. И потом мне стало страшно. Единственным объяснением такого размера было то, что она приближается к Земле. Чем больше я смотрел на нее, чем больше я думал об этом, тем увереннее становился в том, что луна врежется в землю именно той ночью. Наступит конец света, и самое ужасное – у меня в этом не было сомнений – луна рухнет прямо на Буффало.

Понимаю, как глупо это звучит, но тогда я в это верил. И мне было очень страшно. Неужели я единственный человек в мире, которому известно, что за катастрофа скоро произойдет? Почему не слышно сирен, не предпринимаются никакие действия? В районе было тихо и спокойно. Должны же специальные ученые следить за подобными катастрофами. Но потом я подумал, что сделать ничего нельзя. Как можно остановить луну от столкновения с Землей, если этому предначертано случиться? Может, об опасности специально не сообщили, чтобы избежать паники.

И вот, Нед, эта огромная луна висела в небе. Я был уверен, что умру той ночью, и моя семья умрет, и все люди на

планете умрут вместе со мной. Я хотел промчаться по улицам на своем велосипеде и предупредить всех людей о грядущей катастрофе, как Пол Ревир⁸. Мне казалось полным безумием, что никто, кроме меня, не видит этого. Поэтому я решил рассказать о своих опасениях первому взрослому, кого я встречу, и посмотреть на его реакцию.

Следующим клиентом в моем списке оказался мистер Транк, страховой агент, который выписывал «Таймс» и всегда был добр ко мне. Я позвонил в его дверь, забрал деньги вместе с чаевыми. Я так нервничал, что почти не проронил ни слова.

Но перед тем как закрыть дверь, я сказал: «Мистер Транк, взгляните на луну».

Он вышел на крыльцо и уставился в небо. «Да, ничего себе луна», – произнес он абсолютно спокойно.

«Она такая *большая*», – сказал я.

Мистер Транк кивнул и ответил: «Да уж. Сегодня луна прекрасна». Потом он попрощался со мной и вернулся в дом. Его ничего не насторожило.

Мысль о том, что грядет конец света, потихоньку улетучилась из моей головы. Когда я вернулся домой, я даже никому не рассказал о произошедшем. Но мне было трудно поверить в то, как я ошибался. Та самая луна, которая вызвала у меня

---

⁸ Пол Ревир (1734–1818) – герой Американской революции. Верхом проскакал к позициям американских повстанцев, чтобы предупредить их о приближении британцев.

видения смерти и разрушений, кипящих морей и городов, стертых с лица земли, вызвала диаметрально противоположную реакцию у мистера Транка. Он думал, что она прекрасна, и он был прав. Я еще не до конца понял, что произошло, но скажу тебе одно: я был просто счастлив, когда проснулся следующим утром и увидел, что мир все еще существует. И еще кое-что: если луна действительно врежется в Землю, то какая разница, произойдет это днем или ночью, ведь так? Но такие мысли к нам приходят только по ночам. По какой-то причине они не появляются у нас днем.

Понимаешь, Нед, ты смотришь на что-то и думаешь, что все об этой штуке знаешь. Ты можешь быть так уверен в своей правоте, что сердце у тебя выскакивает из груди и ты двух слов связать не можешь. Но вдруг ты ошибаешься, на все сто процентов. Самое важное – помнить, что любому явлению существует объяснение. Мы можем его не знать или не понимать полностью, но это не значит, что все наши домыслы – правда. Мы просто еще не нашли истинное объяснение, оно скрыто от нас и ждет, когда же мы его отыщем.

Ты спросил меня, верю ли я в привидения и фантомы, и вынужден признаться, что нет, не верю. Многие люди верят в них, даже взрослые. Может, я ошибаюсь, но за многие сотни лет никто так и не представил неоспоримого доказательства их существования. Почему же? Думаю, потому что их просто не существует, как бы людям ни хотелось обратного. Разве не здорово поболтать с другом или родственником

после его смерти? Мне хотелось бы поговорить со старшим братом Джимом. Я был совсем маленьким, когда он погиб в Корее. Но одного нашего желания недостаточно, и, если мы воображаем что-то, оно еще не становится реальностью.

То же самое касается и магии. Все любят хороших фокусников, но, чтобы понять, что происходит на самом деле, надо найти объяснение их трюкам. Помнишь, как много лет назад тысячи людей восхищались великим Гудини? Его заковывали в цепи, надевали наручники, и перед тем, как фокусника опускали в аквариум, жена целовала его, словно на прощание. На самом деле, у нее во рту был ключ, и, когда она целовала его, этот ключ оказывался во рту у Гудини. Так у него и получалось чудесным образом освободиться. Но это никакое не чудо и не магия. Всего лишь ключ.

Это и нужно искать, когда тебе кажется, что ты столкнулся с чем-то странным или жутким – объяснение. Можно пару часов сидеть, уставившись в небо, и рано или поздно увидеть что-то необычное. Пятно света необычной формы или цвета. Но значит ли это, что мы видели летающую тарелку с другой планеты? Ну, вероятность есть, но весьма небольшая, правда? Скорее всего, это будет реактивный самолет, летящий в вышине, или зависший над горизонтом вертолет, или метеорит, или один из орбитальных спутников, да и вообще что угодно – хоть отсвет прожектора на темном облаке. Возможно, все эти объяснения не так интересны, как гости с других планет, но так обычно и бывает. Самое простое и

банальное объяснение оказывается верным.

Скажу тебе еще кое-что, Нед. Ни одно объяснение не делает то, что ты испытываешь, менее особенным. После той ночи в Буффало я смотрел на луну тысячи раз, и она больше никогда не была такой же огромной, как тогда. И вряд ли будет. Та луна и та ночь навсегда останутся для меня особенными, потому что никто не видел в них то, что видел я. И даже тот факт, что я ошибался, этого не изменит. Понимаешь, о чем я?

– Да, – с сомнением ответил Нед.

– О'кей?

– О'кей. Спасибо, пап. – Нед мог многое возразить. А как же необъяснимые НЛЮ, как же люди, которых привидения или полтергейсты выгоняют из домов, как же люди, которые просто исчезают при невыясненных обстоятельствах? Но его отец сказал все, что хотел, и Нед решил, что лучше ему не перечить. – Пойду посмотрю телевизор.

Майкл смотрел улыбаясь, как сын идет через лужайку к дому.

«Эх, а какую речь толкнул», – думал он. Но, возможно, удалось донести до мальчика хоть что-то. Если получилось достучаться до него или хотя бы до его подсознания, этого будет достаточно. «С ребенком все нормально, – убеждал себя Майкл. – Мне бы хоть крупицу его воображения. Пускай наслаждается им, пока может. Жизнь слишком быстро становится обычной. После того, как Нед увидит свой первый

эротический сон, вся эта чепуха улетучится у него из головы».

Линда вышла из задней двери и направилась к нему. Майкл в очередной раз увидел, какой привлекательной может быть его жена. В шортах и легкой летней блузке она выглядела соблазнительно. В этой женщине все еще можно было увидеть призрак девятнадцатилетней студентки, чье появление, бывало, сразу вызывало у него эрекцию (ужасно неловко). Если бы не изнуряющая жара, Майкл был почти готов погнаться за ней до самой спальни.

– Ну и переговоры вы тут устроили.

– Просто поговорили, как мужчина с женщиной.

– Рассказывал сыну о своих коварных бывших?

Майкл усмехнулся:

– Не настолько как мужчина с мужчиной.

– Ты так активно жестикулировал. Декламировал «Кремацию Сэма МакГи»⁹?

– Нет, просто разбирался со слабыми местами в теории относительности.

– Я люблю тебя, Майкл.

– Хорошо, потому что я тоже тебя люблю.

---

⁹ «Кремация Сэма МакГи» — поэма канадского поэта и писателя Роберта Уильяма Сервиса (1874–1958) о кремации замерзшего насмерть старателя. Сочетающая в себе элементы мистики, черного юмора и особый ритм, она обрела широкую популярность в Северной Америке и часто читалась вслух наизусть.

12. Существует магия... и магия

– Так-так-так, – воскликнул Мутный. – Неужели это Головастик собственной персоной?

– Привет.

Нед застенчиво улыбнулся. Мутный держал в одной руке электрический миксер, а во второй – венчики от него. Лузгарь с банкой пива в руке откинулся на спинку кресла, его лицо затенял козырек бейсболки. Он приоткрыл один глаз, посмотрел на Неда и снова его закрыл.

– Думал, твой папочка запретил тебе со мной видеться, – сказал Лузгарь.

– Нет. С чего бы?

– Он приходил сюда несколько дней назад.

– Правда? – удивился Нед. – Зачем?

– Поздороваться и представиться. Кажется, это было на прошлой неделе. Я боялся, что ему не понравилось то, что он увидел, и он запретил тебе сюда приходить.

– Нет, он мне ничего такого не говорил. Я даже не знал, что он приходил.

– Так где ты был? – спросил Мутный.

– Дома.

– Дома, значит?

– Меня наказали, – признался Нед.

– Наказали? За что?

– На прошлой неделе я ходил на холм посмотреть развалины отеля.

– Ты ходил туда? Один?

Мутный выглядел удивленным, а Лузгарь сдвинул кепку на затылок и начал слушать внимательнее.

– Да, и я поздно вернулся домой, весь перепачканный и с парой царапин, мама и папа разозлились, и мне несколько дней пришлось сидеть дома.

– И правильно сделали, что разозлились, – сказал Мутный. – Ни в коем случае не ходи туда, Головастик. Никогда.

– Там опасно, – вторил ему Лузгарь. – Ты мог сломать ногу и застрять там, и никто бы не услышал твоих криков о помощи.

– Знаю, знаю, – согласился Нед; его голос звучал чуть ли не восхищенно.

– Я и правда чуть там не застрял. Никогда не видел такого потрясающего места.

– Провалишься в один из ихних садов, – предостерег его Лузгарь, – никогда не выберешься.

– Знаю, там как в джунглях.

– Хуже, – сказал Мутный.

– Зачем вообще нужны были все эти изгороди?

– Это были сады.

– Каких садов там только не было, – продолжал Лузгарь, – например, в одном росла трава, как войдешь, аромат – что твои духи. Другой засадили одним цветком, только одним,

так, что когда в нем гуляешь, то пропитываешься запахом. А в третьем саду еще что-нибудь, и так далее. Все они были разные, кто знает, зачем это все.

– В свое время эти сады были диковинкой, – перебил его Мутный. – Белые приезжали отовсюду, и им так там нравилось, что они возвращались еще и еще. Они кучу денег платили за проживание в отеле. – Он покачал головой, словно его до сих пор это забавляло. – Во времена его расцвета, конечно же.

– Некоторые изгороди там в форме разных фигур, например, там был прямоугольник, – сказал Нед.

– Наверное, это бывший теннисный корт, – предположил Лузгарь.

– Да?

– Там много всякого такого было.

– А другая изгородь образует круг, и там был булькающий звук, и из центра идет пар. Но там все заросло, и я не смог разглядеть.

– Я, кажется, догадываюсь, что это, – сказал Лузгарь.

– Что?

– Просто грязь.

– Грязь?

– Именно. Я слышал, у них там была какая-то яма с горячей грязью и паром, шедшим из-под земли, типа гейзера. Говорят, гости раздевались догола, забирались прямо в эту горячую грязь и валялись в ней, покуда хватало сил.

– Как «Джорджийские кабаны»¹⁰, – ухмыльнулся Мутный.

– Зачем они это делали? – спросил Нед.

Лузгарь пожал плечами:

– Наверное, кто-то им сказал, что это полезно для здоровья и еще какую-нибудь брехню. А может, просто развлекались. Шут его знает, почему народ делает то, что делает.

Нед попробовал представить себе взрослых мужчин и женщин, которые голыми барахтаются в горячей, ужасно хлюпающей грязи. Картина показалась ему необычной и отвратительной.

– Знаете, – сказал мальчик, – я слышал, как кто-то шевелился в кустах. Я никого не видел, но чувствовал, что кто-то или что-то постоянно следило за мной. Что это такое было?

– Животные какие-нибудь, – безразлично ответил Лузгарь.

– Так я и думал, – немного разочарованно сказал Нед.

– За годы там должно было поселиться много зверей – еноты, лисы, опоссумы.

– Спорю, что в пруду с лилиями живет большая сочная кармановая черепаха, – воскликнул Мутный, – если, конечно, там есть пруд с лилиями. – Немного подумав, он добавил: – В таких местах всегда есть пруд с лилиями.

Нед решил поделиться с ними своей самой дерзкой мыс-

---

¹⁰ «Джорджийские кабаны» {англ. Georgia Hawgs, hawg – нестандартное написание hog, «свинья») – название команды по регби, спорту, известному своей грубостью. Члены команд в борьбе за мяч часто оказываются на земле, в грязи.

люю:

– Я тут подумал... а что если там живут болотные?

– Вряд ли, – сказал Лузгарь.

– Слишком близко от города, – развил мысль Мутный. – Болотные не любят города и других людей рядом с собой. Они прячутся как можно дальше, поэтому они не очень рады, когда кто-то забредает на их территорию, понимаешь?

– Если бы у меня была старая карта этой местности, я бы показал, где жили болотные, – сказал Лузгарь. – У них были свои поселения, например, Куриная Трясина, Квартал Долли, Малая Бухта и Впадина Дженкинса. Там болотные и жили.

– Помню некоторые местечки, – сказал Мутный. – Те еще дыры.

– Они что, были как настоящие поселки? – спросил Нед.

– Нее, едва ли, – фыркнул Лузгарь. – Кусок болота, ого-роженный той или иной семьей, и двадцать или тридцать дуралеев, живущих в свинарнике. Вот и весь поселок. Но если ты нарвешься на того, на кого лучше не нарываться, то они расколют твою черепушку, глазом не успеешь моргнуть.

– Точняк, – согласился с ним Мутный.

– Они все еще живут поблизости?

– Даже если и так, мне без разницы, – поспешно ответил Лузгарь. – Последний раз я видел одного из них десять или двадцать лет назад. Смог разглядеть его лицо в тени дерева в сотне метров от меня, а может, еще ближе. Короче, я при-

творился, что не заметил его, и просто спокойно убрался оттуда, словно уже собрал все ягоды. Уж точно мне не хотелось встретиться с ним лицом к лицу, да и с другими представителями его короткозубого народа, так я скажу.

– Ты их не трогай, и они тебя не тронут, – сказал Мутный. – Проблема в том, что, когда ты поймешь, что тронул их, может быть уже слишком поздно.

– Как бы там ни было, – подвел итог Лузгарь, – в окрестностях отеля они не живут, зуб даю. Вообще никто там не живет, учитывая состояние тех мест.

– Я в самом здании тоже побывал.

– В самом здании! – воскликнул Мутный, словно от боли.

– Так можно беду накликать, – сказал Лузгарь. Нед никогда еще не видел, чтобы он так почти взаправду разозлился. – Держись от этого места подальше, понял?

– Да, но...

– Хватит. Ты же хочешь быть нашим другом?

– Конечно.

– Хорошо, тогда слушайся нас.

– Ладно, – тихо сказал Нед.

Какое-то время все трое молчали. Мутный продолжил возиться с электрическим миксером. Мотор работал прекрасно, но как только к устройству подсоединялись венчики, оно издавало сдавленный, скрежещущий звук и отказывалось работать. Он вынул венчики, и мотор снова заработал как надо.

– Чертов агрегат, – пробормотал Мутный, нарушив мол-

чание. – Прекрасно работает, пока не пытаешься использовать его по назначению.

– Хлам, – с издевкой сказал Лузгарь.

– Я знаю, что хлам, – ответил Мутный. – Проблема в том, что это поломанный хлам.

Он яростно потряс миксер, словно ожидая, что из него выпадет монетка, которая решит проблему и заодно сделает его богаче.

– Лузгарь?

– Мммм?

– Как думаешь, в старом спа-отеле живут призраки или злые духи?

– Нед, клянусь, иногда ты упрямей осла. Выброси уже то место из головы.

Лузгарь встал и зашел в сарай, где открыл очередную банку пива и занялся проверкой аквариумов. «Любопытство – чудесная штука, – думал он, – но с ним не всегда совладаешь». Как объяснить мальчику, что существует магия... и существует магия? Что надо быть к ней открытым, но также следует ее опасаться и держаться подальше? Если ты слеп к магии, то упускаешь лучшие моменты жизни. Если ты ее игнорируешь, то сильно рискуешь. А если ты сам ее ищешь, то жди беды. Магия – тоже энергия, и как любую энергию, ее нельзя удержать, она сама тебя удержит. Мальчик был как щенок, который обнюхивает подозрительный камень; если сможет перевернуть, он может пожалеть об этом.

Нед появился в дверном проеме и нерешительно вошел в сарай. Лузгарь заметил его, но продолжил заниматься своими делами.

– Ты на меня злишься? – робко спросил Нед.

– Не-а.

– А ведешь себя так, словно злишься.

– Не злюсь.

– В чем тогда дело?

– Просто мне не нравится, что ты бродишь там, где тебя может укусить щитомордник, и ты не успеешь позвать на помощь, вот в чем дело.

– Я был осторожен.

– Конечно, был. – Лузгарь показал свое отношение к его словам, сплюнув на землю.

– Я выбрался невредимым.

– В этот раз.

– Я больше туда не пойду, Лузгарь, честное слово.

– Не надо было тебе об этом месте рассказывать.

Так вот в чем дело – в его чувстве вины.

– Я бы все равно его нашел, – сказал Нед. – Всем известно про спа-курорт, и здание отеля видно из города.

– Может, и так.

– Я там побывал и больше туда не вернусь. Молчание.

– Честно, Лузгарь. Я даже не хочу туда возвращаться. Мне там не понравилось.

– Как скажешь.

– Честно-честно.

Лузгарь оставил в покое рака и взглянул на Неда.

– Я рассказывал тебе, что не хочу встречаться с болотными. И поверь мне, точно так же я держусь подальше от спотелю Шервудов. Иногда стоит рисковать, но чаще всего в риске нет никакого смысла. Понимаешь?

– Да.

– Надеюсь, ты действительно все понимаешь, – сказал Лузгарь. – Надеюсь, мне удалось вбить это в твою голову.

Лузгарь выловил еще одну банку пива из аквариума. Нед остался стоять на месте, все еще чувствуя себя неловко, но был рад, что чувствительный вопрос теперь закрыт.

– Я собираюсь к Стоуни-Пойнт, – сообщил Лузгарь. – Пойдешь со мной?

– К Стоуни-Пойнт? Ну...

Нед колебался. Ему не хотелось идти к Стоуни-Пойнт тем вечером, но в сложившихся обстоятельствах лучше согласиться. У Мутного всегда находились другие дела, а Нед уже несколько раз был там; Лузгарю нравилось ходить к Стоуни-Пойнт пару раз в неделю как раз перед закатом. Это была открытая возвышенность недалеко от города, с которой во всех направлениях открывался потрясающий вид. Закаты с этой смотровой площадки казались просто потрясающими, но, похоже, Лузгаря интересовали не они. Всегда, когда Нед ходил туда с Лузгарем, как только солнце исчезало, старик хмурился, или бормотал: «Дерьмо», или просто разворачи-

вался и шел домой. Очевидно, Лузгарь ждал чего-то, и расстраивался всякий раз, когда этого не происходило. Каждый раз он отмахивался от расспросов Неда и говорил ему смотреть молча. Потом ожидания оказывались тщетны, и по дороге домой Лузгарь почти ничего не говорил.

В эти минуты Неду не нравилось находиться рядом со стариком, но он понял, что ему выпала участь быть свидетелем того, что никогда не произойдет.

– Если родители разрешат, – сказал Нед. – У меня все еще типа условный срок.

– Хорошо, – отозвался Лузгарь.

Нед в итоге пошел с Лузгарем к Стоуни-Пойнт тем вечером. Как обычно, старик указал на большое грязножелтое облако на северо-западе и сказал:

– Вон там старый добрый Вашингтон, округ Колумбия.

Солнце окрасилось в темно-красный цвет и не слепило глаза. Нед уже научился наблюдать за закатом и Лузгарем одновременно. Когда последняя пурпурная капля скрылась за горизонтом, старик нахмурился и побрел домой. Он был похож на человека, который прошел долгий путь только для того, чтобы в итоге увидеть лишь кучку собачьего дерьма.

13. Прощай, Грета Гарбо

Линда купила эти две книги, чтобы что-то себе доказать, но теперь ей казалось, что она совершила ошибку. Они лежали на кофейном столике, словно два кирпича, и бросали ей вызов. Во всех газетах и журналах писали об их авторе, Конраде Лингере, и публиковали интервью с ним. У него не было литературского образования, но тем не менее он добился популярности. Обе книги, роман «Бросить якорь» и сборник рассказов «Прощай, Грета Гарбо», находились в списке бестселлеров, установив таким образом рекорд. Линда никак не могла вспомнить, какой именно: или впервые две книги одного автора попали в список, или сборник рассказов последний раз был в бестселлерах несколько десятилетий назад. В любом случае, Конрада Лингера стоило прочитать.

Линда купила обе книги в «Читальном зале», магазинчике в торговом центре неподалеку от Линнхейвена. Судя по фотографии на задней обложке, Конрад Лингер был похож на Мистера Роджерса из детского сериала. Линда начала с романа «Бросить якорь», но отложила после пары глав. Сюжет отсутствовал, зато присутствовало множество туманно изъясняющихся персонажей. Линда вспомнила, что в одной рецензии упоминался персонаж, который общался только с помощью хокку, но ей показалось, что эта особенность была у всех героев книги. Почти на каждой странице встречались

«Быть по сему» или «Как бы то ни было». «Может, у меня в другой раз будет настроение его почитать», – подумала Линда и взяла в руки «Прощай, Грета Гарбо». Местом действия всех рассказов этого сборника был роскошный океанский лайнер, который плыл в неизвестном направлении. Заглавный рассказ повествовал об отчаявшейся женщине, которая находит облегчение, выбрасывая за борт свою коллекцию старых винных этикеток. Герой другого рассказа весь круиз просидел в своей каюте, декламируя хокку своим попугаю. Несмотря на все старания, мужчине так и не удается обучить птицу хотя бы одному трехстишию. Единственное, что попугай был согласен произнести, это «Пошел на хрен». Во всех рассказах появляется капитан лайнера. У него нет имени. Его глаза «устремлены во внутреннюю даль». Ему постоянно сообщают о грядущей непогоде. «Быть по сему», – говорит он стоически. Линда сдалась после пяти рассказов, около двенадцати остались непрочитанными. Она еще раз взглянула на фотографию Конрада Лингера. Такую улыбку редко увидишь у серьезных писателей.

«Что со мной не так, – подумала Линда. – Я даже книгу уже не в состоянии дочитать». Она знала, что люди из разных кругов эти книги прочитали и сочли их остроумными, проницательными и во всех отношениях отличными. Но она не могла как следует сконцентрироваться и втянуться ни в одну из них. Неужели «Шоу Дика Кэветта» и воскресный выпуск «Нью-Йорк Таймс» теперь являются пределом ее интеллек-

туальной жизни? Несколько лет назад она без проблем читала книги и без проблем делала все, что хотела. Когда она успела так измениться? А может, она просто стала... обычной? Скучной? Дело было не только в том, какую ответственность она несла, будучи женой и матерью. Нет, эта перемена с ней произошла не так давно. А может, и давно, может, она просто недавно начала замечать то, что с ней происходило какое-то время. Если это так, то ей следует быть благодарной за то, что переезд в Линнхейвен открыл ей глаза. Спасибо большое...

Сидя в гостиной и глядя на эти два обломка культуры, Линда вспомнила неприятный инцидент, произошедший в колледже, когда ей было девятнадцать. История искусств была ее любимым предметом, хотя тогда она еще не выбрала ее в качестве своей специализации. В колледж в качестве приглашенного лектора приехала известная художница Беверли Болдер. Линда посетила все три лекции, и они произвели на нее сильное впечатление. Беверли Болдер была худой, нервной женщиной; несколькими годами ранее она чуть не погибла из-за безумного несчастного случая. Ее зажженная сигарета оказалась слишком близко от емкости с растворителем. Последовал небольшой взрыв, в результате которого у художницы сгорели брови и большая часть волос.

Беверли Болдер выглядела как бывшая узница Аушвица, которую спасли прямо из печи крематория.

После последней лекции декан факультета, профессор

Беллини (которого некоторые студенты называли Арт Дего¹¹) устроил вечеринку. Линде удалось на нее попасть, и там она встретила Беверли Болдер. Между ними завязался откровенный разговор, и они на несколько минут отошли в сторону от остальных гостей. Линда прекрасно проводила время и была довольна собой. Пока известная художница не положила руку ей на бедро и не пригласила ее в свой номер 308 в гостинице «Рамада Инн».

Линда была шокирована. Впервые женщина сделала ей подобное предложение, и то, что этой женщиной оказалась великая Беверли Болдер, еще больше усугубляло ситуацию. Но, раз за разом обдумывая случившееся в последующие дни, Линда расстраивалась прежде всего из-за своей наивности. До этого неловкого момента у нее сложился идеальный образ Беверли Болдер: женщины травмированной, но продолжающей трудиться, героической души, посвятившей всю себя Искусству, жрицы алтаря Культуры. Может, в этом и была доля правды, но ко всему прочему Беверли Болдер оказалась лесбиянкой в красном парике, которая делала недвусмысленные предложения студенткам на вечеринках. Не то чтобы в этом было что-то плохое. Саму Линду это не интересовало, но кто она такая, чтобы осуждать других? Нет, Линда злилась на себя за то, что, благодаря такому банальному по сути инциденту, она поняла простую вещь. Герои и героини

---

¹¹ В ориг. Art Dago. *Dago* — пренебрежительное слово для обозначения чело- века итальянского происхождения.

существуют только в голове их почитателей. Великие и знаменитые – всего лишь люди (и у них тоже есть половые органы). Почему Линда создала такой экзальтированный и односторонний образ Беверли Болдер, картинку, которую реальность могла только испортить? Что этот факт говорил о ней?

Хуже всего было то, что Линде потребовалось много времени, чтобы оправиться от того вечера. Каждый раз, сталкиваясь с одной из миллиона вариаций подобного сюжета в фильме или книге, она снова расстраивалась. Ей казалось, что она столкнулась с одним из величайших клише и жизнь будет постоянно напоминать ей об этом.

И вот: Конрад Лингер.

«Ты купила эти две книги совсем не по той причине, – убеждала себя Линда. – Это такая же ошибка. Ты не хотела прочесть их, ты только думала, что хочешь. И теперь узнала, что не можешь их читать. Возможно, это самые глупые книги на свете, а может, они лучшее, что есть на Земле, после арахисового масла, но ты просто не можешь заставить себя перевернуть страницу».

Ну и что? Разве это имеет значение? Разве важно для Неда, что его мать прочитала Конрада Лингера? Нет. Пора Линде начинать быть собой, жить в собственной шкуре и чувствовать себя в ней комфортно. Надо сделать это ради мужа и сына, и, конечно, ради себя.

Она с радостью отметила, что две книги на кофейном столике больше не казались ей важными и не вызывали у нее

чувство неполноценности. Это всего лишь две книги.
Воистину, прощай, Грета Гарбо.

14. Соппротивление

Нед проснулся рано, что было для него необычно.

Каждую ночь он уходил в свою комнату в приличное для девятилетнего ребенка время, но это не означало, что он сразу ложился спать. Он сидел у окна и смотрел на улицу, или пытался разглядеть Юпитер в телескоп, или читал под одеялом при свете фонарика, или просто лежал в кровати и прислушивался к ночным звукам, бродя в воображении по тысячам неизведанных миров. Каким бы уставшим он ни был, сон приходил к нему не сразу. Так было, сколько он себя помнил. Поэтому обычно по утрам его будили родители. Но сегодня его глаза открылись с первыми лучами солнца.

Какое-то время он лежал спокойно, позволяя мыслям сформироваться самостоятельно. Было раннее утро, на что указывал серый свет за окном и тишина в доме. Было прохладно, и он мог чувствовать росу в воздухе, ее сладкий вкус щекотал его нос. Сейчас шесть утра? Может, и еще раньше. Нед смаковал момент. Это чудесное, восхитительное время суток. Мир полон ощущений, но в то же время умиротворен. Ты не чувствуешь свое тело и паришь на облаке. Сознание уже пробудилось, но пока не забито рутинными мыслями, открытое для восприятия.

Когда это чувство стало слишком трудно сдерживать, Нед откинул одеяло и сел. Он задрожал, приятно удивленный

тем, что в середине июля может быть так прохладно. Серый свет за окном становился все светлее, и вдали, над лугом, Нед увидел низкий утренний туман. Он натянул голубые джинсовые шорты и рубашку, выскользнул из своей комнаты и на цыпочках дошел до лестницы. Дом казался огромным и пустым. Было очень тихо. Он осторожно спустился по лестнице, держась за перила и стараясь не наступать на скрипучие ступеньки. Он не хотел разбудить своих родителей.

Электронные часы на кухне показывали 6:13. Нед выпил стакан холодного апельсинового сока и потом, сам не зная зачем, спустился в подвал и взял один из отцовских топоров. Он был немного тяжелый, но удобно лежал в руке. Пару минут Нед простоял в прихожей, не понимая, что он делает. А потом он оказался у задней двери, тихонько открыл ее и вышел на улицу.

Он хотел изрубить что-нибудь топором, хрясь-хрясь-хрясь... И теперь он видел, что именно. Пугало. На этом поле больше никто ничего не выращивал. Пугало было лишним, бельмом на глазу. Кроме того, оно беспокоило Неда почти каждую ночь. Ему казалось, что оно танцует и показывает на окно его спальни. Нед пытался игнорировать его и не смотреть, но как можно было сдержаться? Это было невозможно. Теперь он решит эту проблему. Нед двинулся через лужайку к полю, где стоял раздражавший его объект. Мокрая трава приятно щекотала его босые ноги.

Я иду, мистер Пугало.

Видишь, я иду.

Я разберусь с тобой.

Раз и навсегда.

Жесткая трава и сорняки, росшие в поле, царапали и кололи подошвы босых ног Неда, но он этого не замечал и продолжал свой путь.

Ты думал, тебе ничего не угрожает.

Ты думал, я никогда не выйду из дома.

И не осмелюсь прийти сюда и разобраться с тобой.

Но ты ошибался.

Нед остановился в метре от пугала, и теперь все вихрем закружилось в его сознании. Фантомы, странный свет в его комнате, неразличимые звуки, которые он слышал в доме, нелепые сады спа-отеля, ужас, который он ощущал за своей спиной, находясь там, и это пугало, которое надсмехалось над ним и угрожало ему в лунном свете...

Хрясь! Топор был острым, и пугало быстро разлетелось на куски. Да, это был фантом, но он совершил ошибку, показавшись при свете дня, когда Нед мог что-то с ним сделать, а не прятаться под одеялом. Словно он нашел гроб Дракулы и вбил кол в его сердце до захода солнца. Нед продолжал наносить удары с мрачной улыбкой, довольный тем, что наконец он может отомстить. По крайней мере, этот фантом будет уничтожен.

Хрясь! Так же будет уничтожен тощий призрак, которым он сам являлся до сих пор, бледный ребенок, приходивший в

ужас от всего вокруг, укрывавшийся с головой одеялом, боявшийся оглянуться. Когда Нед увидел свою мать, лежащую на полу ванной, он стал мальчиком-пугалом, неспособным пошевелиться, неспособным помочь, неспособным *сделать хоть что-то*. С тех пор ты начал увязать, и это продолжалось все последующие дни и ночи, Песочный Человек засыпал тебя изнутри. Но сейчас ты наконец понял, что можешь сказать «Хватит», *можешь сделать хоть что-то*.

Хрясь!

Когда Нед закончил, он с удовольствием заметил, что вспотел. Но это был пот не от страха, а пот от хорошо сделанной работы. От пугала на земле остались только щепки. Нед поднял их и по одной забросил как можно дальше в поле – вжух, вжух, вжух.

Вся королевская конница, вся королевская рать не сможет тебя собрать. Прощайте, мистер Пугало.

Нед вернулся в дом, положил топор на место и рухнул на кровать. Один раз он встал и выглянул в окно. Там никого не было, и он почувствовал себя счастливым. Обычная лужайка, обычное поле и роса, которая испаряется под первыми лучами солнца.

Нед вернулся в кровать и постарался уснуть. Но его глаза отказывались закрываться. Он наблюдал за туманом, который исчезал под натиском жары и света. Один за другим появлялись фантомы, но в следующее мгновение распылялись на мелкие частицы. Это было радостное зрелище. Если бы

только эти слова исчезли – ТЫ БУДЕШЬ СНОВА МОИМ –
но они заевшей пленкой повторялись у него в голове.

Нед уставился на то место, где стояло пугало, и задумался,
добился ли он чего-нибудь.

15. Звуки

Это было похоже на неприятное жужжание рядом с ухом, и Нед пытался отогнать его рукой, словно назойливое насекомое. Он никогда не видел источник этого звука и лишь слышал жужжание. Впрочем, этого было достаточно, и оно его раздражало. Он не знал, что страшнее – пчела, которая заползла в ухо и собирается ужалить в барабанную перепонку, или комар, сосущий кровь прямо изнутри головы. Но хуже всего ухвертка – насекомое, которое пробирается в мозг и медленно его поедает. Ваши умственные и физические способности исчезают одно за одним между жвал этого жука. Сначала человек становится буйнопомешанным, а потом умирает мучительной смертью. Как же тогда спастись? С помощью доктора, который введет тонкий, как игла, пинцет в череп и вытащит злобное жужжащее создание вместе с кусочками мозгового вещества. Нет, это не спасение. Даже если вы выживете, то превратитесь в овощ.

Пару раз родители Неда были свидетелями того, как он размахивает руками с перекошенным от страха и гнева лицом, и он сразу же чувствовал себя глупо. Хотя они смотрели на него странно, но ни разу не спросили, что такое он делает. Конечно же, стоило кому-то из них появиться, как жужжание немедленно замолкало, и Нед начинал сомневаться, слышал ли он его на самом деле. Но потом оно снова появлялось. Нед

слышал этот раздражающий звук почти каждый день. Он мог появиться в любое время – когда Нед читал, готовил перекус или смотрел «Звездный путь». Жужжание начиналось, когда он был один, и чаще всего днем. Он понимал, что насекомые здесь ни при чем, но это мало успокаивало.

Нед хотел рассказать о нем кому-нибудь – маме, папе, Лузгарю или Мутному, но как у него получится объяснить, что происходит, и не звучать при этом глупо? Они могут подумать, что у него крыша поехала. И это его тоже беспокоило. Может, у него что-то не то с головой. И эта проблема реальная и серьезная. Ведь люди и правда сходят с ума. И для таких людей строят психушки, да? Это могло произойти и с ним; насколько он знал, дети тоже лишаются рассудка. Эта идея снова пришла ему в голову, когда он понял, что вслух разговаривает с жужжащим звуком, настолько тот его достал. «Кто это? Кто ты такой? Что ты такое? Убирайся... Оставь меня в покое». Но в ответ он услышал лишь тихое жужжание. Может, он слишком сильно ударился головой, когда упал в спа-отеле. Но тогда он не получил никаких травм, лишь на минуту сбилось дыхание.

За последние несколько недель он слышал этот звук и раньше, но всего пару раз и не придавал ему никакого значения. Но внезапно жужжание решило взяться за Неда всерьез, и он начал слышать его регулярно. Он пытался его игнорировать, но это оказалось невозможным. Попытки поговорить с ним принесли хоть какое-то облегчение, так как звук его соб-

ственного голоса заглушал жужжание. Но этого было недостаточно, и Нед знал, что если он будет слышать этот звук чаще, и если он будет доставлять ему дискомфорт, у него не останется выбора, кроме как рассказать о нем родителям... и смириться с любым их решением. И тогда его ждут врачи, обследования и прочие малоприятные вещи.

Странный свет, который однажды разбудил Неда, больше не появлялся. Но по ночам его беспокоило кое-что другое. А именно звуки, которые он слышал в темноте. Нед решил, что избавиться от пугала было мудрым решением, и в течение нескольких ночей после этого он спал спокойно. Но потом он начал слышать звуки. И противное жужжание на пару минут днем – это одно, но то, что он слышал ночью, было нечто совсем иное.

Источник звуков находился не в комнате, а за стенами или над потолком, под полом или за окном. Сознание Неда отфильтровывало знакомые шумы – шаги родителей в доме, пение сверчков, шелест крыльев птиц и летучих мышей, ветер в деревьях – и создавало вакуум тишины, в которой можно было различить незнакомое.

Нед смог определить несколько таких звуков. Однажды после того, как родители ушли спать (так что это точно были не они), он услышал, как кто-то или что-то бродит по двору. Нед вылез из кровати и выглянул в окно, но ничего не увидел. Однако звук не прекращался: тяжелые шаги, словно кто-то идет по траве, потом по дорожке, выложенной ка-

менной плиткой, а затем послышался скрип пластика, будто кто-то сел в одно из садовых кресел на лужайке. Но Нед прекрасно видел, что на лужайке никого нет и кресла пусты. Он был уверен, что эти звуки слишком отчетливы, чтобы являться продуктом его воображения. Но, с другой стороны, вряд ли непрощенный гость будет спокойно прогуливаться по их лужайке и садиться в кресло. Возможно, Нед слышал простые, обычные звуки, а его сознание превращало их во что-то большее. Но...

Он слышал и другие звуки. Некоторые были такими резкими, словно их источник находился в нескольких сантиметрах от окна Неда, а некоторые доносились издалека, с луга, будто кто-то ходил туда-сюда, через заросли, как солдат в ночном карауле. Но даже в свете луны Нед не мог разглядеть источник этих звуков. Иногда он даже жалел, что пугала больше нет. С невидимым справиться гораздо сложнее. Но пугала больше не было, и самое забавное заключалось в том, что Нед не помнил, слышал ли он что-то необычное, когда оно находилось на лугу.

Больше всего Неда пугали звуки, которые раздавались совсем рядом с его комнатой. Однажды он соорудил палатку из одеяла и читал книгу о приключениях братьев Харди, когда услышал, как что-то ударилось об окно. От неожиданности он выключил фонарик. Конечно, это могла быть ночная бабочка, но могло быть и что-то другое. Потом он услышал другой звук. Словно кто-то надавливал руками на обшивку

дома вокруг его окна. Давил, толкал, скользил, тер... А затем этот звук шел уже отовсюду – из-под половиц, из-за стен, из-за потолка, словно эти руки сомкнулись вокруг комнаты Неда. Мальчик представил, что его комната – спичечный коробок в руках огромного невидимого великана, который в любую минуту может вырвать ее из дома, поднять на сотню метров от земли и потрясти, наблюдая, как Нед барахтается внутри. Может, он раздавит комнату, как бесполезную игрушку, и выбросит ее. Может...

Следующей ночью звук вернулся, но немного изменился. Снова он начался у окна; послышалось тихое царапание по стеклу. Потом раздался более громкий звук, словно кто-то тащил что-то тяжелое по твердой поверхности. Сначала по краю оконной рамы, затем протянулся уже по самому дому, вокруг комнаты Неда, зигзагом отскакивая от штукатурки, и наконец стих где-то над головой. Так продолжалось несколько ночей подряд, всегда с новыми вариациями, и с каждым разом Неду казалось, что звук сжимается все теснее и теснее вокруг его комнаты.

Одним августовским утром Нед проснулся и понял, что не может пошевелиться. Казалось, что его тело привязано к кровати тысячью проволок, а лицо заштопано наглухо. Даже дыхание через нос давалось ему с трудом, а рот он открыть не мог. Чем больше он просыпался, тем больше осознавал ситуацию и чувство тревоги захватывало его. Дыхание стало более отрывистым, а сердце бешено забилося. Это пот стекает

по шее... или кровь сочится из ушей? Потом он почувствовал что-то на лице, тоненькие ножки пробежали по щеке, заштопанному рту, перебрались через нос, их прикосновение было едва ощутимым, но настойчивым. *Паук!* И теперь он сидел прямо у него на носу, собираясь оплести его паутиной, лишив Неда последнего доступа к воздуху. Его глаза уже были защиты. Нед не сомневался, что это паук, и он отчаянно пытался высвободиться из его пут и стряхнуть маленькое чудовище со своего лица. Но он находился в железном коконе, который все теснее сжимался с каждой его попыткой освободиться. Ему стало тяжело вдыхать воздух, стальные путы медленно сдавливали его грудь. *«Помогите! Я не могу дышать»*, – беззвучно кричал он. В это мгновение Нед услышал новый звук, так близко, словно он исходил от паука, сидевшего на его лице. Тихий, рассеянный, жужжащий шум, звучавший жалобно и скорбно, но в то же время неумолимо. Возможно, это микроскопическая эманация паука, эхом отражающаяся от паутины и попадающая прямо в мозг Неда. Это был звук умирающего живого существа, возможно, крови Неда, или призрак его дыхания. Это была музыка печали, сломанная, раздавленная и доведенная до уровня какофонии, знаменующей конец кошмара.

Нед почувствовал, как он распадается на миллионы ярких огоньков и повисает в воздухе, чистом до боли. Он все еще существует? Нед не мог сосредоточиться, у него кружилась голова. Его мозг распался на множество бессмыслен-

ных осколков, которые перемешивались в бесконечном столбе света, постепенно скрепляясь друг с другом. Нед задумался, можно ли будет собрать его снова, чтобы все части оказались на своем месте. *Пугало.*

Теперь он плакал от чувства облегчения, жадно глотая ртом воздух, сладкий и чистый, как вода из горного источника. Родители подняли его с пола и прижимали к себе. Они сидели на кровати, пряча Неда между своих тел. Чувство любви и покоя переполняло Неда, и он начал плакать еще сильнее, желая, чтобы это мгновение продлилось вечно.

– Боже, как он вспотел. Его пижама вся мокрая.

– Страшный сон приснился, Нед?

– У него температура?

– Нет, он здоров.

– Думаешь, он ударился?

– Дети постоянно падают с кровати. Он просто немножко испугался, правда, Нед?

Нед кивал, но почти не слушал родителей. Он снова начал ясно мыслить. То, что он испытал, было гораздо серьезнее, чем обычный ночной кошмар.

Они пришли.

Они нарушили безопасность его комнаты.

И они почти захватили меня.

– И что будет, когда они придут в следующий раз?

– Что ты сказал, Нед?

– Он еще не проснулся, бедняга.

– У него на голове шишка.

– Милая, это всего лишь шишка. Она скоро пройдет.

Майкл и Линда нежно обнимали и укачивали Неда, пока его глаза наконец не закрылись и он снова погрузился в сон.

Пару дней спустя, когда Нед пришел в рыболовную лавку, он рассказал Лузгарю о звуках, которые он иногда слышит. Но только о внешних звуках. О жужжании в ушах и о том, что произошло в его спальне, Нед предпочел умолчать. Старик затачивал рыболовные крючки и внимательно слушал Неда, который ходил вокруг да около, стараясь притвориться, что ему скорее любопытно, чем страшно.

– В этом ничего такого нет, – сказал Лузгарь. – Металлический каркас садовых кресел нагревается на солнце и расширяется, а когда ночью становится прохладно, он уменьшается до своего обычного размера. То же самое касается москитной сетки на твоём окне. Вот что ты слышишь по ночам, поверь мистеру Магу.

Нед боялся услышать подобное объяснение – простое, приземленное. Так бы сказал его отец. Этой луны нечего опасаться, сынок. Единственное различие заключалось в том, что отец верил в то, что говорит. А Лузгарь звучал не очень убедительно. Он дал Неду дежурный ответ, и мальчик это почувствовал.

– А как же другие звуки, за стенами и над потолком?

– У каждого дома есть свои звуки, – сказал Лузгарь. – А у такого старого дома, как твой, их еще больше.

Дом дышит днем и ночью, но ты замечаешь это только по ночам, потому что вокруг тихо, и тебя ничего не отвлекает.

Снова самый простой ответ. Неужели Лузгарь не понимает, что Нед и так все это знает, и ему не нужно все это объяснять? Существуют другие, правильные ответы, даже если Лузгарь не хочет их сегодня давать. Нед чувствовал себя расстроенным и слабым, и разрывался между нежеланием говорить о том, что его беспокоило, и потребностью добиться хоть каких-то объяснений.

– Почему ты спрашиваешь? Что это за звуки, по-твоему?

– Не знаю. – Нед не ожидал этого вопроса, но теперь Лузгарь преподнес ему возможность приоткрыть еще дверь, и он не мог ее упустить. – Возможно, это фантомы, приведения, или что-нибудь в этом духе. Как думаешь, может это оказаться правдой?

– Ага.

Нед не понял, был ли это ответ на его вопрос, или Лузгарь обращался к ржавому рыболовному крючку, который изучал в данный момент.

– Когда я тебя спрашивал в прошлый раз, ты сказал, что веришь в такие вещи, – продолжал Нед.

– Разве?

– Да.

– Может, верю, а может и нет.

– Думаешь, я их слышу?

– Возможно.

– Лузгарь, почему ты не отвечаешь прямо? – Нед больше не смог сдерживать раздражение. – Скажи мне правду, – потребовал он.

Лузгарь отложил в сторону крючок и точильный камень.

– Я бы сказал, если бы знал ее, – ответил он. – Но дело в том, что я не знаю. Послушай, Недли, если ты меня спросишь таким же чудесным солнечным утром, то я отвечу: конечно нет, ничего такого не существует. Но если ты меня спросишь пасмурным днем, где-нибудь в чаще леса, то я не буду так уверен. А если ты задашь этот же вопрос темной ночью, когда на улице жарко, но я дрожу, как осиновый листок, когда я не знаю наверняка, кто роется в моем мусорном баке, скунс или что-то пострашнее, то я отвечу: да, в твоём доме живет нечисть. Но вся соль в том, что объяснить это невозможно. Ты можешь называть их фантомами, но мне кажется, это тебя еще больше запутывает. Я тебе уже говорил, если горошину назвать горошиной, она из стручка не выпрыгнет.

– И что же мне делать?

– Ничегошеньки. Не важно, слышишь ли ты магию или мышь на чердаке, не вмешивайся.

Нед в это не поверил. Позже, когда он размышлял над их разговором, то был шокирован, как категорично отверг совет Лузгаря, но бездействовать он не мог.

– Лузгарь, меня это пугает.

– Почему?

– Потому что я не знаю, что это такое.

– Так все говорят, но они ошибаются, и ты ошибаешься.

– Что ты имеешь в виду?

– Человека пугает не неизвестность, даже если он уверен в обратном. Ты замечаешь движение краем глаза, или слышишь странный звук ночью, и чувствуешь, как внутри *тебя* что-то оживает, что-то, так глубоко похороненное в твоей голове, что ты не знаешь, как оно называется, но оно там есть, и это *известное*, вот оно и пугает тебя до усрачки.

Лузгарь взял в руки длинный отрез голубой лески, на обоих концах которой висели грузила и крючки.

– Вот какое двойное удилище я сварганил, – сказал он, меняя тему разговора. – Подвесил грузило в верхней, а не в нижней части. Прекрасно работает, когда ловишь солнечника на мелководье. С помощью этой штуковины вытаскивал две, три и даже четыре рыбы за раз. Похоже на телеантенну для лилипутов, правда?

– Это не просто воображение, – уверенно сказал Нед, возвращаясь к изначальной теме их разговора. – Это что-то серьезное. Я... – Он не знал, что еще добавить.

– Если это так, Нед, ты узнаешь и поймешь все раньше меня. Но не жди от меня ответов, по крайней мере стоящих. – Лузгарь проверял узлы на леске. – Ведь это ты слышишь те звуки, и рано или поздно ты решишь для себя, что они означают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.